VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

ЛОИК ВАКАН

Социальная логика бокса в черном Чикаго:
к социологии кулачного боя[1]

Всякая группа людей — заключенных, туземцев, летчиков или пациентов — живет своей собственной жизнью, которая становится осмысленной, разумной и нормальной по мере более близкого знакомства с нею.

Ирвинг Гофман
«Психиатрическая клиника»

Парадокс бокса заключается в том, что, будучи, возможно, одним из наиболее широко признанных и популярных видов спорта во всем мире, он остается совершенно непонятым. Лучшие бойцы — это самые высокооплачиваемые спортсмены, а их бои до сих пор привлекают огромное общественное внимание, хотя их социальное влияние и снизилось по сравнению с теми временами, когда бои за звание чемпиона в тяжелом весе заставляли все общество, включая политические и экономические элиты, на время забыть о своих делах (см., напр.: Roberts, 1978; Edmond, 1973). Спорт для «настоящих мужчин» долгое время привлекал художников и интеллектуалов, и сегодня трудно найти человека, который не был бы знаком со стереотипными образами, транслируемыми средствами массовой информации (Барбара Уолтерс со своим интервью, взятым у Майка Тайсона и его тогдашней жены Роббин Гивенс, побила все рекорды популярности на телевидении), с реалистичными или карикатурными киногероями от очень человеческого «Сытого города» Джона Хьюстона и досконально продуманного «Бешеного быка» Скорцезе до самопародийной патриотической киносаги «Рокки». Жизнь чемпионов раскрывается в бесчисленных биографиях и автобиографиях, а «бои века» превозносятся в печати и увековечиваются на видео (см.: Mead, 1985; Mailer, 1971; NBC, 1990). И бывший чемпион мира в тяжелом весе Мухаммед Али может с полным правом утверждать, что он — самый известный человек на планете (Hauser, 1991).

При всей своей популярности бокс также служил предметом непрестанных нападок и ядовитой критики. Перечень претензий к нему хорошо известен (Donnelly, 1988): этот вид спорта эксплуатирует человека и опасен настолько,

[1] Печатается по изданию: Loïc J. D. Wacquant. The social logic of boxing in black Chicago // Sociology of Sport Journal 9–3 (September 1992).

что может даже привести к убийству, утрате человеческого облика и варварству. Периодически раздаются призывы к введению федерального регулирования; в 1984 году Американская медицинская ассоциация начала кампанию по запрету «сладкой науки избиения», а наиболее полное и исчерпывающее исследование истории этого вида спорта заканчивается утверждением, что бокс представляет собой «одну из величайших аномалий нашего времени» (Sammons, 1989, p. 235). Бокс вызывает почти шизофреническую реакцию (Early, 1988): он манит и отталкивает; его обожают или ненавидят, превозносят или осуждают, но он никого не оставляет равнодушным.

И все же трудно представить спортивную практику, которая была бы одновременно столь сильно мифологизирована и столь мало исследована социологами. Хотя список социологических исследований бокса может занять всего полстраницы, чтобы перечислить все заблуждения относительно самого этого вида спорта, тех, кто им занимается, и его социальных истоков и значения, понадобится целая книга. Стилизованный синтез, прекрасным примером которого служит освещение средствами массовой информации стремительного взлета теперь уже бывшего чемпиона Майка Тайсона,[2] будет выглядеть так: боксеры — это жестокие, малограмотные молодые люди, которые, несмотря на нищету и безотцовщину, сумели самостоятельно добиться богатства и известности, использовав свое недовольство миром и садомазохистскую жажду насилия для завоевания многомиллионных призов, если не считать тех бедняг, которые влачат жалкое существование после того, как бессердечные менеджеры и агенты выжали из них все без остатка. За немногими ценными исключениями (Weinberg and Arond, 1952; Hare, 1971; Sugden, 1987), имеющиеся исследования боксеров, среди которых преобладают сочинения самих спортсменов и квази-инсайдеров, вроде журналистов (см. лучшее из них: Hauser, 1986), посвящены *публичной* стороне жизни наиболее *выдающихся* представителей этого вида спорта, считающегося *индивидуальным и конкурентным* стремлением к богатству и блеску, и не касаются конкретного социального контекста, наделяющего его значением и смыслом.

Напротив, очевидным первым шагом к строгой социологии бокса должен стать отказ от обращения к экзотике широко освещаемой стороны института — бои, значительные и не очень, героизм социального взлета исключенного («Удивительный Марвин Хаглер: от гетто до славы» — гордо гласит заголовок главной статьи в *KO Magazine* за 1986 год, копию которой можно найти прикрепленной к стенам многих спортивных залов), необычная жизнь и карьера чемпионов. Вместо этого к боксу следует подойти с его наименее известной и наименее захватывающей стороны: серой и скучной рутины ежедневной разминки, бесконечной и неблагодарной подготовки, физической и моральной, ведущей к кратким выступлениям при стечении большого числа людей, мелким светским ритуалам повседневной жизни в спортивном зале, которые создают и воспроизводят веру, лежащую в основе этой весьма специфиче-

[2] Тайсон вырос в неполной семье, которая жила на пособие в съемной квартире в Браунсвилле, бруклинском гетто, и начал заниматься боксом после того, как попал в центр содержания несовершеннолетних правонарушителей, став самым молодым чемпионом мира по боксу в тяжелом весе в истории. Обычно его изображают как «плохого ниггера» (ср.: Torres, 1989; Heller, 1990).

ской символической и материальной экономики, составляющей боксерский мир. При этом нам следует не просто «расфокусироваться» (Douglas, 1976), но и решительно *порвать с точкой зрения зрителя*, которая имеет дело с заранее сконструированным объектом коллективной мифологии, то есть с теоретическим взглядом, основанным на статусе отстраненного аналитика и — одновременно — потребителя этого «шоу-бизнеса на крови», если воспользоваться выражением Бадда Шулберга. Короче говоря, чтобы избежать ловушки «стихийной социологии», в которой упоминание о боях неизбежно приводит к рассмотрению экстраординарной фигуры «чемпиона», нужно обратиться к анонимным боксерам в привычной для них среде спортивных залов.

Эта статья, основанная на первой длительной этнографической работе и интенсивном включенном наблюдении за боксом, проведенном в Соединенных Штатах, посвящена коллективному «другому миру боксерской подготовки» (Oates, 1988, p. 244), его внутреннему устройству и противоречивым отношениям с соседствующей с ним социальной матрицей гетто. Она опирается на материал, собранный за три года полевой работы в спортивном зале для бокса, расположенном в бедном районе Чикаго, при проведении более широкого исследования изменчивых сочетаний расы, класса и государства при формировании современного черного субпролетариата (Wacquant, 1989b, 1994). До вступления в Клуб мальчиков Стоунлэнда[3] я никак не контактировал с миром бокса: я имел лишь расплывчатые представления об этом виде спорта и никогда не приближался к рингу, не говоря о том, чтобы *выйти* на него. Начав с самых азов, я регулярно тренировался в Клубе мальчиков Стоунлэнда вместе с местным бойцами, профессионалами и любителями, проводя от трех до семи дней в неделю в спортивном зале и пройдя все этапы напряженной подготовки боксера — от базового «боя с тенью» до спарринга на ринге.

Я также «преследовал зверя в листве», как выразился Гарольд Гарфинкель. Я посещал официальные любительские турниры и профессиональные «программы» (боксерские поединки) в самых разных местах в Чикаго с присутствием фотографов, тренеров-консультантов, болельщиков и спарринг-партнеров, которые открыли мне полный доступ к «сценическому» и «закулисному» миру бокса. Я сопровождал бойцов из своего спортивного зала «в пути», когда они участвовали в боях в других городах Среднего Запада, а также в Атлантик-Сити, где проводились решающие схватки. Я также следовал за ними в повседневной жизни во время поисков работы и жилья, совершения покупок в секонд-хендах и походов в гости к живущим неподалеку «корешам». У нас сложились прочные дружеские связи, когда они брали меня с собой на пикники, в закусочные, в церкви и бассейны или просто на прогулки по Саут-Сайду. Я присутствовал на свадьбах и похоронах, на концерте *Public Enemy* и на встрече Фаррахана с некоторыми моими друзьями по спортзалу.

Анализ, предложенный здесь, основан на детальных записях из моего этнографического дневника, который я заполнял ежедневно после каждой тренировки (сначала, чтобы помочь себе преодолеть острое чувство физической неловкости и гнетущее ощущение своей неуместности среди этих заме-

[3] Название изменено. Имена людей и мест изменены с целью сохранения анонимности моих информантов.

чательных и невероятно преданных своему делу атлетов, ощущение странности, несомненно, подкреплявшееся тем обстоятельством, что я был единственным белым в этом спортивном зале за все время моей работы в нем), и неофициальных беседах, записанных на диктофон, который я постоянно носил с собой в течение всех 20 месяцев своих занятий в спортзале. В течение последних четырех месяцев сбора данных я провел более 100 формальных глубинных интервью с профессиональными бойцами, тренерами, менеджерами, рефери, консультантами и другими связанными с боксом людьми в Чикаго и северо-западной части Индианы. Я занимался еще в трех других профессиональных спортивных залах в Чикаго и посещал спортзалы многих других городов Соединенных Штатов и Франции. Наконец, я отслеживал боксерскую прессу, подписывался на специальные бюллетени и на регулярной основе вместе со своим тренером смотрел по телевизору боксерские поединки. Хотя эта статья рассматривает только один спортивный зал и во многом опирается на взгляды тренеров и боксеров из этого зала, я убежден, что мое исследование обладает более широкой значимостью. И сравнение во времени или пространстве обнаруживает удивительное преобладание неизменного над изменчивым в мире бокса (речь идет о многочисленных эмпирических сходствах между моими материалами и материалами, собранными Джоном Сагденом в одном из спортзалов Коннектикута: Sugden, 1987).

Эта пристрастная статья о мире бокса преследует двоякую цель.[4] Первая, преимущественно эмпирическая цель этой статьи состоит в изложении новых этнографических данных о сравнительно малоизвестном мире, относительно которого имеется множество заблуждений и мало проверенной информации. На втором, теоретическом уровне эта статья ставит перед собой две задачи: во-первых, раскрыть некоторые принципы организации бокса в том виде, в каком он практикуется в черных гетто, выдвинув на первый план социальное регулирование насилия, проявляющееся в *одновременном симбиозе и противостоянии* боксерского спортзала и мира улицы с его особой культурой. Во-вторых, она пытается переосмыслить «логику практики» (Бурдье, 2001) через рассмотрение характера *практики, в которой тело одновременно служит основой, инструментом и целью.* Необходимо сказать, что я не собираюсь ни осуждать, ни защищать этот, по общему мнению, самый «варварский» вид спорта, одинаково страстно осуждаемый и прославляемый; скорее мне хочется показать «осмысленность» бокса в своем контексте и попытаться изложить его особую логику, а понимание прививания этой логики позволит нам разобраться в логике человеческого социального действия в целом.

Предвосхищая некоторые предварительные результаты этого исследования, я утверждаю, что прививание того, что можно назвать *боксерским габитусом*,[5] то есть определенного набора телесных и ментальных схем, отли-

[4] Подробное описание процесса подготовки боксера, анализирующее коллективную логику боксерской педагогики в спортивном зале и включающее значительные выдержки из соответствующего полевого материала, см.: Wacquant, 1989a; литературное описание своих переживаний на турнире «Золотые перчатки» см.: Wacquant, 1991a; предварительный анализ бокса как ритуала посвящения воинственной плебейской мужественности см.: Wacquant, 1991b.

[5] О понятии габитуса как системы устойчивых, взаимозаменяемых диспозиций для восприятия, оценки и действия см.: Бурдье, 2001. Глубокое исследование прививания «священническо-

чающих настоящего боксера, основывается на двойной антиномии. Первая связана с тем, что бокс — это особый вид спорта, находящийся на границе между природой и культурой, своеобразный эмпирически осуществленный пограничный случай практики, и тем, что он в то же самое время требует исключительно сложного, квазирационального управления телом и временем, осуществляемого исключительно практическим образом, без всякого опосредования теорией, на основе неявной и во многом некодифицированной педагогики. Отсюда следует вторая антиномия: бокс — это индивидуальный вид спорта, возможно образцовый пример таких видов спорта, поскольку он касается только тела бойца, подготовка которого, тем не менее, оказывается образцово коллективной, в частности потому, что она предполагает веру в игру, которая, подобно всем «языковым играм» у Витгенштейна (Витгенштейн, 1994), возникает и существует только внутри и посредством группы, определяемой ею через круговой процесс. Иными словами, диспозиции, которые создают опытного боксера, являются, как и все «техники тела», «деятельностью *коллективного практического разума*» (Мосс, 1996, с. 246; выделено мной).

Наконец, превращение в боксера происходит в результате последовательного впитывания ряда телесных и ментальных диспозиций, настолько тесно переплетенных между собой, что происходит стирание различия между физическим и духовным, между тем, что относится к спортивному «таланту», и тем, что связано с моральными способностями и волей. Боксер — это *живой привод* тела и духа, который снимает противопоставление между действием и репрезентацией и *in actu* выходит за рамки дихотомии индивидуального и коллективного, которая лежит в основе общепринятых теорий социального действия. И здесь вновь необходимо признать справедливость слов Марселя Мосса, который говорит о «социопсихофизиологическом конструировании серии актов, [которые]... более или менее привычны и стары в жизни индивида и общества... [и] конструируются социальным авторитетом и ради него» (Мосс, 1996, с. 261).

Остров порядка: спортзал и улица

Основная гипотеза, лежащая в основе этого исследования, заключается в том, что существует глубокая структурная связь между боксом как *телесными упражнениями* (суб-) пролетариата и некоторыми формами социальной жизни и культурными практиками, встречающимися в более низких областях социального пространства, особенно в черном американском гетто; что «идиокультура» (Fine, 1979) спортзала развивается в *прерывистой непрерывности* с «идиокультурой» бедного района. Поэтому на одном уровне бокс оказывается «уникальным, замкнутым, самореферентным миром» (Oates, 1987, p. 13). И все же на другом уровне его взращивают и сплачивают определенные социальные силы и культурные репертуары; он возникает и воспроизводится как отраже-

го габитуса» среди французских сельских священников, которое во многом схоже со случаем боксеров, см.: Suaud, 1978; ср. также формирование габитуса преподавателей начальной школы в две исторические эпохи: Muel-Dreyfus, 1983.

ние и реакция против (мужской) уличной культуры или, точнее, как функциональная реартикуляция некоторых ее основных элементов.

Это значит, что невозможно понять внутреннюю логику, определяющую внешне автономный мир бокса, вне ее социального и экологического контекста и независимо от пространства социальных возможностей, которые имеются в этом контексте для молодых людей. По сути, как и присоединение к банде (Jankowski, 1991) или уличной преступности (Sullivan, 1989), двум близким занятиям, альтернативой которым оно служит, посещение спортивного зала приобретает свое полное социальное значение только в связи с местной структурой возможностей, включая те, что предлагаются — или исключаются — школой, рынком труда и уличными связями. В этом разделе я покажу, что *спортивный зал для занятий боксом определяется как символическое противостояние гетто*, в котором он находится и благодаря которому он существует, набирая своих членов из него и оберегая их от него. Прежде чем перейти к рассмотрению собственно спортивного зала, необходимо сначала вкратце описать среду существования Клуба мальчиков и девочек Стоунлэнда.

Контекст: от «Чудесной мили» до «Города убийств»

Клуб мальчиков и девочек Стоунлэнда (или Клуб мальчиков Стоунлэнда, как его чаще называют) находится на Шестнадцатой улице, одной из самых бедных улиц в районе, посреди бесплодного городского пейзажа, отражающего трагический упадок «черной метрополии» (Drake and Cayton, 1962). Эта часть Саут-Сайда так же бедна, как и другие городские гетто. Она занимает тринадцатое место по бедности среди 77 «микрорайонов», в 25 из которых свыше 20 % населения живет за чертой бедности (Chicago Fact Book Consortium, 1984). И все же, как и другие городские сообщества Америки (Wilson 1987), Стоунлэнд пережил за последние десятилетия впечатляющий упадок и стремительный рост числа социальных бедствий.

В конце Второй мировой войны Стоунлэнд был стабильным и процветающим белым районом, прилегающим к Гайд-парку и Чикагскому университету. Район привлекал предпринимателей, потребителей и арендаторов, стекавшихся в него и тем самым способствовавших процветанию рынка недвижимости и торговли. Угол Шестнадцатой улицы и Коттедж-Гроу авеню был, по общему мнению, одним из самых ярких мест в городе: здесь было бесчисленное множество ресторанов, закусочных, кинотеатров и джазовых клубов, имеющих постоянную клиентуру. Шестнадцатая улица была настолько быстроразвивающейся артерией, что местные торговцы называли ее «Чудесной милей». Через сорок лет район превратился в настоящий бантустан, страдающий от бедности, разрухи и социального распада.[6] В период с 1950 по 1980 год число жителей сократилось с 81 до 36 тысяч человек, а доля чернокожего насе-

[6] Более подробную социографию социальных изменений в Стоунлэнде см.: Wacquant, 1995; сравнительный анализ ускоряющегося вырождения других районов с гетто чикагского Саут-Сайда и Вест-Сайда см.: Wacquant and Wilson, 1989. Недостаток места не позволяет мне дать более полное описание экологической и социальной структуры Стоунлэнда. Я прекрасно осознаю, что краткое «черно-белое» описание, приведенное здесь, рискует закрепить стереотипное представление о гетто как о «дезорганизованной» социальной пустыне, лишенной всяких

ления выросла с 38 до 96 %. Растущий приток афроамериканских мигрантов с Юга, разрушивший жесткие рамки исторического «черного пояса» города, вызвал массовый исход белых, число которых резко сократилось с 50 тысяч человек до нескольких сотен. Последующее переселение черного среднего класса и стабильного рабочего класса в более благоприятные, хотя и все еще расово обособленные районы за пределами традиционного гетто, привело к тому, что в гетто остались только самые обездоленные представители сообщества. Это изменение состава местного населения, подкреплявшееся серьезными программами «городского обновления» 1950-х годов (Hirsch, 1983) и ускорившееся в результате войн молодежных группировок в 1960-х, когда на улицах господствовали «Блэкстоун рэйнджерс», предопределило кризис местных институтов. Упадок жилья, школ, коммунальных и частных услуг в сочетании с ростом безработицы превратил Стоунлэнд в настоящее экономическое и социальное чистилище.

Некоторые эмпирические показатели позволяют оценить степень исключения и лишений, от которых страдали жители Стоунлэнда (Chicago Fact Book Consortium, 1984). По последним достоверным данным переписи 1980 года треть семей живет за официальной чертой бедности, а среднегодовой доход семей равен 10.500 долларов (вдвое меньше, чем в среднем по городу). Доля семей с матерями-одиночками достигла 60 % (по сравнению с 34 % десятью годами ранее, в 1970 году), официальный уровень безработицы составляет 20 % (вдвое больше среднегородских показателей после троекратного роста за десятилетие) и менее 10 % семей является собственниками жилья. Только треть взрослых женщин и 44 % взрослых мужчин имеют работу; жизнь 61 % домохозяйств полностью или частично зависит от крайне несовершенных программ социального обеспечения. Среди рабочей силы самой крупной профессиональной категорией являются мелкие клерки (31 %); за ними идет домашний и обслуживающий персонал (22 %). Более половины взрослых жителей не имеет законченного среднего образования, а среди сегодняшних учеников учебу бросают от половины до двух третей. В районе больше нет средней школы, кинотеатра, библиотеки или центра, занимающегося профессиональным обучением. В нем нет банка, супермаркета или страхового агентства. Несмотря на близость к одному из наиболее развитых центров медицинских инноваций, больнице Чикагского университета, младенческая смертность в Стоунлэнде составляет почти 3 % и продолжает расти (эта цифра почти втрое превышает средние показатели по стране и сопоставима с показателями многих стран «третьего мира»).

Как и другие общественные учреждения в бедных районах Чикаго (*Chicago Tribune*, 1986, p. 149), местные школы были «заложниками бедности и преступности». Страдавшие от серьезной нехватки средств, имевшие неудовлетворительную, подчас полностью изношенную, материальную базу, деморализованные и текучие учительские кадры, они стали походить на опекунские институты, которые просто ждут не дождутся, когда же ученики покинут их. Неудивительно, что многие находят растущую криминальную экономику более привлекательной, когда школы не дают ничего — они даже не готовят

общественных проявлений и структур. Здесь достаточно отметить, что, несмотря на внешнюю разруху, мир гетто весьма дифференцирован и иерархизирован.

к поступлению в колледж. Некогда мощные средства социальной интеграции, церкви сегодня также заметно ослабли; большая часть из почти тридцати религиозных организаций, существовавших каких-то двадцать лет тому назад, закрылась. Наиболее активными организациями в Стоунленде являются винные магазины, лотерейные киоски и «пункты обмена», в которых местные жители могут обналичить чеки, оплатить счета и купить наклейки для автомобиля. Отсутствие нового строительства в течение нескольких десятилетий и постепенное разрушение существующего жилого фонда (который сократился почти на половину в период с 1950 по 1980 год; 70 % всего оставшегося жилья построено до Второй мировой войны) в области, находящейся менее чем в десяти милях от центра третьего по величине города страны, свидетельствует о том, что на этот район давно махнули рукой.

Сегодня «Чудесная миля» напоминает заброшенный город с сожженными магазинами, пустошами и развалинами, усеянными битым стеклом, заколоченными зданиями, брошенными гнить в тени величественной железнодорожной ветки. Немногие сохранившиеся коммерческие организации (преимущественно винные магазины, магазины одежды и продовольствия, а также фирмы, занимающиеся оказанием бытовых услуг, в которых в лучшем случае работает несколько человек) укрыты за железными дверями и решетками. Вот как описывал улицу один из членов спортивного клуба, когда мы возвращались на его машине после тренировки:

> На ней полно разных людей: бандитов, торговцев наркотиками, наркоманов — я хочу сказать, что так обстоит дело в каждом районе, а не только здесь. Это плохо для детей, которые растут в таком районе, потому что им приходится видеть все это... Посмотри на этих парней [показывает на группу молодых людей, стоящих перед входом в винный магазин] — они болтаются туда-сюда, трутся тут и там, пытаясь насшибать мелочи, чтобы купить вина. Это плохие парни: они уже испорчены, и ничего с этим не поделать... И так всюду. Вот лавка, где торгуют алкоголем, вот — еще одна, заколоченная. В ней тоже раньше продавали выпивку. Ты видишь людей, которые ходят по улицам, которым постоянно что-то нужно. Знаешь, ты можешь даже ни разу словом не обмолвиться с этими парнями, но тебе известно, как они живут. И так день за днем.

Здание Клуба мальчиков Стоунлэнда окружают, с одной стороны, развалины бывшего театра штата Мэриленд, от которого остался только фасад, увешанный рекламными объявлениями о рэп-концертах или встрече с Фарраханом («Наступает новая заря»), а с другой — пустое пространство, часть которого занимает детская площадка, где в погожие дни собираются безработные. Позади клуба находится большое заброшенное кирпичное здание, окна и двери которого заколочены и заперты на замки. В ветреные дни мусор и газеты сдувает к той части здания, где находится вход в спортивный зал.

Но распад общественного пространства, вызванный огромной преступностью, которая во многом ответственна за напряженность, постоянно ощущаемую в повседневной жизни Саут-Сайда Чикаго (Wacquant, 1994, 1995), способен затмить любую физическую деградацию. В сегодняшнем гетто драки, стрельба и убийства — обычное явление; и они создают на улицах атмосферу всепроникающего страха и неуверенности, граничащую с состоянием «войны

всех против всех» (Kotlowitz, 1990; Bourgois, 1989). Рост преступности, который сопровождается усугублением бедности, вызванным ослаблением государства всеобщего благосостояния и непрекращающимся сокращением заработной платы, очень заметен в Стоунлэнде. Жители боятся заходить в близлежащий общественный парк; многие по возможности избегают общественного транспорта (несколько станций на здешней ветке метро по решению чикагского управления городского транспорта закрыты для входа; редкие автобусы передвигаются в сопровождении специальных машин полиции). Поскольку для выживания банд нужны деньги, карманные кражи, грабежи, вымогательство и проституция здесь не редкость. А растущая наркоторговля и доступность оружия сделали насилие повсеместным. Четырнадцатилетний член спортивного клуба, описывая свое жилище, находящееся неподалеку от клуба, говорит: «Дом, в котором я живу, еще не так плох. Я хочу сказать, что *они все плохи*, но, знаете, *этот лучше других: вокруг вообще “город убийств”*».

В этом враждебного окружения клуб выглядит как крепость: все входы запираются на висячие замки; окна находящихся в нем поликлиники и компьютерного центра защищены решетками; задний вход запирается на два огромных засова, которые невозможно открыть или закрыть без кувалды; а последний человек, покидающий здание, включает электронную сигнализацию. У каждого входа стоит по паре бейсбольных бит, одна в поликлинике, еще одна — у стола тренера, так что при необходимости можно отбить вторжение незваных гостей *manu militari*.

> Разговор возвращается к положению в черных районах города. Чак (тренер) и О’Грэди говорят о разрухе и страхе, пронизывающем сообщество. О своем районе — в паре миль к югу от спортивного зала — Чак говорит так: «Здесь повсюду полно наркотиков. Ты можешь купить дозу на улице, спросив у любого. Молодые волчата, которые цепляются к тебе, всегда готовы к драке. Нет школ, нет рабочих мест, а есть только улица. Чем им еще заниматься? Меня это не особенно беспокоит — меня, но не моих соседей. Здесь слишком много людей, которым нечем себя занять. Это совсем другие люди». В доме, где он живет, вовсю идет торговля героином, кокаином и «ангельской пылью». (Полевые записи, август 1988 г.)

> Сегодня Гэби звонил в спортзал из больницы. Два члена молодежной банды стреляли в него на улице неподалеку отсюда. К счастью, он видел, как они приближались, и побежал, но пуля попала ему в икру. Он забежал за угол заброшенного здания, достал собственное оружие из спортивной сумки и начал стрелять в них, заставив их отойти. Он говорит, что лучше оставить больницу как можно скорее, потому что они теперь наверняка захотят с ним расквитаться. Я спросил Ричи [главный тренер в спортзале, готовящий боксеров уже больше пятидесяти лет], не был ли выстрел в ногу предупреждением: «Что за дерьмо, Луи! Они стреляли не для того, чтобы поранить ногу, они стреляют, чтобы убить тебя. Если бы у Гэби не было оружия, они бы нашли его и убили: он был бы уже трупом». (Полевые записи, сентябрь 1990 г.)

> Я сказал Ричи, что вчера вечером ходил к Рэю, чтобы взять у него интервью. Он был в ярости: «Я велел тебе не ходить туда! Ты мог попасть в заваруху. Это ужасный район. Тамошние проститутки могли попытаться украсть у тебя деньги или диктофон. Это очень плохой район». (Полевые записи, июль 1991 г.)

Тяжкие преступления здесь настолько обыденны, что почти все посетители спортзала либо были свидетелями убийств, либо сами едва не стали жертвами нападений. Многие выросли на улице и умеют за себя постоять: они с детства боролись за сохранение своих денег на завтраки, своей одежды и своей репутации. Один из них вспоминал типичную сцену из детства: «Этот *собачий бой* был прямо во дворе. Одной из собак — слабой и жалкой — был я. Так уж было заведено: парням нужно было получить твои деньги и избить тебя, а тебе нужно было бороться или уехать из района. Я не мог уехать, поэтому я начал драться». Поэтому многим посетителям спортзала улица дала предварительную подготовку в искусстве самообороны, если не по доброй воле, то по необходимости. На самом деле многие из них были раньше «уличными бойцами», которые теперь обратились к боксу. «Я обычно много дрался, когда был моложе», — вспоминает Митч. — «Отец сказал мне: “Если ты собираешься драться, то почему бы тебе не пойти в спортзал. Там ты научишься азам, может, заработаешь немного денег. Давай, иди и займись чем-нибудь вместо того, чтобы болтаться по улицам и драться за просто так”». Таким образом, молодежь, выросшая и живущая в современном гетто, с самого начала приучена к агрессивному поведению, которое сопряжено с самыми разными и внешне анархическими формами физического и экономического насилия, перед которыми контролируемое насилие бокса кажется детской шалостью.

«Еще один самостоятельный мир»

По контрасту с этой враждебной окружающей средой и несмотря на серьезную нехватку ресурсов, Клуб мальчиков и девочек образует *остров стабильности и порядка, где вновь становятся возможными социальные отношения, запрещенные за его пределами.* Спортзал представляет собой относительно замкнутую область защищенной социальной жизни, позволяющую на время избавиться от давления улицы и гетто, мир, в который редко проникают внешние события и на который они не оказывают большого влияния (война в Ираке осталась полностью незамеченной; затянувшиеся слушания по делу о домогательствах Кларенса Томаса к Аните Хилл не вызвали сколько-нибудь значительной реакции или интереса). Эта коллективная замкнутость делает возможной жизнь в спортзале и объясняет его привлекательность.

> Я могу пойти в спортзал и побыть какое-то время в покое. Я могу ненадолго расслабиться… Меня *не волнует то, что происходит на улице*, пока я нахожусь здесь, в спортзале, потому что мое время — это все, что у меня есть, и я хочу провести его так, чтобы мне ничего не мешало. Здесь я становлюсь похожим на человека. Когда я прихожу в зал, я словно оказываюсь в *совершенно иной атмосфере*, совершенно ином месте. Это совершенно новый и иной мир для меня; я не могу описать это; я просто чувствую это; и я не могу обходиться без этого. Спортзал становится для меня еще одной семьей. Я бы сказал, что спортзал — это *еще один самостоятельный мир.* (26 лет, профессионал, рабочий склада)

> Ты можешь придти в него, и ты чувствуешь себя хорошо в нем. Я бы сказал, ты чувствуешь себя *под защитой, в безопасности.* Ты здесь, и ты в порядке — это словно вто-

рая семья. Ты знаешь, что ты можешь придти сюда за поддержкой... Если тебе плохо, то кто-нибудь обязательно тебя приободрит. Ты забываешь обо всех разочарованиях. Спарринг помогает придти в себя. (19 лет, любитель, все еще в средней школе)

Старый член клуба, чья карьера была недавно закончена из-за травмы руки, объясняет, что заставляет его ходить в спортзал, несмотря на две работы, между которыми ему приходится разрываться: «Я просто вижу парней, которые занимаются чем-то правильным, тратят силы, не ввязываясь в неприятности; ведь это лучше, чем *банды, наркотики* и *тюрьма. В зале они обретают себя, и видеть такое очень приятно.* (Интервью, август 1991 г.)

Спортзал помогает избегать (часто незаконных) соблазнов и опасностей жизни в гетто. Нередко боксеры говорят, что они проводят больше времени в спортзале, чем на улице. Многие профессиональные спортсмены открыто признают, что, если бы не бокс, они, скорее всего, стали бы правонарушителями и преступниками; многие известные боксеры (например, Сонни Листон, Флойд Паттерсон и Майк Тайсон) освоили свое ремесло в тюрьме или исправительных учреждениях. Пинклон Томас (цит. по: Hauser, 1986, p. 186), бывший чемпион мира в тяжелом весе по версии *WBC*, как-то сказал: «Бокс вытащил меня из дыры и сделал меня нормальным человеком. Не будь его, я торговал бы героином или уже был бы на том свете или в тюрьме». Некоторые участники издания, выпущенного в 1989 году к чикагскому турниру «Золотые перчатки», не стесняясь говорят об этом в биографических очерках, опубликованных в дополнениях к официальной программе турнира:

Имя: Вон Бин
Возраст: 16
Рост: 5 футов 11 дюймов
Вес: 178 фунтов
Представляет Клуб мальчиков Валентайн, занимается боксом 1 год. Недавно поступил в Каулметску среднюю школу; *его брат привел его в бокс, который помог ему избежать неприятностей.*

Члены Клуба мальчиков Стоунлэнд согласны с таким описанием:

Вопрос: Где бы вы были сегодня, если бы не начали заниматься боксом?

Ответ: Ну, наверное, в тюряге, в могиле или собирал бы бутылки на улице. [Серьезно?] Вполне. Я начал заниматься боксом в шестнадцать или пятнадцать лет, так вот мои сверстники связались с плохими парнями, попытались стать такими же, как они. Ну, теми, кого называют волчатами, щеглами[7] – они всегда пытаются докопаться до вас на улице. Через такое проходит каждый подросток; понимаете, о чем я? Тебе хочется быть *признанным* окружающими, теми, кого ты постоянно видишь в своем районе. (29 лет, профессионал, сторож).

[7] «Щегол» (подвид «салабонов») – социально неискушенный, слишком молодой (буквально или эмоционально) для того, чтобы «заботиться о деле», хотя он «может с важным видом рассуждать о том, что и как нужно делать... “Он пытается казаться опытным, а у самого еще молоко на губах не обсохло... Мама еще не научила его шнурки завязывать. Он слишком молод для улицы”» (Folb, 1980, p. 39).

> Я так скажу: если бы не занятия спортом, я мог бы сделать что-то не очень приятное, так что спортзал мне здорово помог. [Что именно?] Что именно? Ну, возможно, я бы кого-нибудь *прикончил*. Знаешь там — грабежи, наркотики и прочее: никогда нельзя сказать наверняка и никогда не знаешь, как все повернется. [Спортзал помог вам избежать этого?] Да, очень здорово. [Вы чувствуете себя защищенным в спортзале?] Да, спортзал отвлекает меня от многих вещей. Знаешь, когда приходишь на тренировку с кучей проблем, они вдруг словно *улетучиваются у тебя из головы*. В спортзале забываешь обо всем. (24 года, профессионал, имеет своего менеджера)

> Я бы сказал, что он полностью изменил мой образ жизни. Я видел, как многие мои друзья погибли от того, что начали заниматься не тем. Но я не хотел, чтобы то же самое произошло и со мной; я должен был изменить свою жизнь. Поэтому мне нельзя больше было болтаться по улицам или заниматься ерундой, вроде этого. Мне нужно было решать. Чем я хочу заниматься в жизни? Спортзал показал мне, что я на что-то способен. Он показал мне, что я могу быть самостоятельным. И он показал мне, что я могу заниматься чем-то еще, кроме разбоев, торговли наркотиками, грабежей, наездов или простого сидения в тюряге. (26 лет, профессионал, рабочий склада)

Оберегающий от мирских соблазнов и рисков, спортзал — это не только место жесткой тренировки тела; это также средоточие и основа того, что Георг Зиммель (Simmel, 1949) называл «социабельностью», то есть процессами чистой социации, являющимися самоцелью, социальными формами взаимодействия, лишенными значимого содержания и цели. Это возможно благодаря негласному кодексу, согласно которому члены клуба оставляют свои обязательства и проблемы, связанные с работой, семьей или любовными приключениями, за стенами зала. «Правила релевантности», которые определяют зал как «особую систему деятельности» (Goffman, 1961, p. 19, 8), лишают боксера всех его внешних статусов и исключают все проблемы и ценности, не связанные напрямую с его спортивными устремлениями. Все происходит так, словно молчаливый пакт о ненападении определяет отношения между членами клуба и исключает любые темы для разговоров, которые могут представлять опасность для этой «игровой формы ассоциации», служить препятствием для нормального повседневного общения и тем самым ставить под угрозу определенную мужскую субкультуру, сохранению которой способствует спортивный зал (подобно бару для ирландского рабочего класса, описанному Зола [Zola, 1964] в его исследовании, посвященном азартным играм). Неудивительно, что излюбленными темами для разговоров становятся бокс и другие, желательно «грубые» виды спорта (об играх футбольной команды *Chicago Bears* говорят намного чаще, чем о баскетбольной команде *Chicago Bulls*). Тема политики поднимается крайне редко; иногда поднимается «расовый» вопрос, но он не вызывает сколько-нибудь серьезных разногласий, учитывая расовую однородность тех, кто посещает этот зал; преступность и «заработки» — обычная тема для разговоров и банальная составляющая повседневной жизни. «Профессиональные» разговоры в основном касаются «набора веса», спаррингов и различных технических тонкостей; постоянно даются советы и рекомендации; тщательно разбираются местные и национальные боксерские поединки.

В этих бесконечных беседах главный тренер Ричи и старые члены клуба выказывают почти энциклопедическое знание имен, мест и событий, составляющих боксерский фольклор. Часто вспоминаются выдающиеся исторические поединки, особенно региональные, взлеты и падения знаменитых боксеров. В результате сознательного перевертывания официальной иерархии ценностей великие бои, освещаемые телевидением (например, Леонард против Хаглера или Холифилд против Формана), ценятся меньше, чем местные схватки; в зале нередко упоминаются имена неизвестных — неизвестных массовой информации или широкой публике — боксеров. Разговоры постоянно вращаются вокруг бокса, историй уличных боев, сомнительных дел и «заработков», уличных уловок и преступлений. И у каждого на этот случай есть свой арсенал историй. С этой точки зрения, «офис» Ричи (небольшая задняя комната, украшенная старыми боксерскими постерами и картинками, с огромным окном, из которого виден весь зал) служит своеобразным парижским *салоном*, сценой, на которой каждый может показать свое умение манипулировать определенным культурным капиталом, а именно — знанием бокса и «улицы», продемонстрировать свое владение неофициальным кодексом гетто и его полусвета.

Значение этих повторяющихся разговоров в спортивном зале не следует недооценивать, так как они представляют собой обязательную составляющую «тайной учебной программы» зала: они исподволь обучают боксеров правилам игры. В форме историй, сплетен, бойцовских анекдотов и других уличных баек они прививают ученикам ценности и оценочные категории боксерского мира, многие из которых тесно связаны с культурой гетто (Abrahams, 1970; Folb, 1980; Kochman 1974; Jankowski, 1991): смесь ограниченной солидарности равных и непокорного индивидуализма, физическую крутость и смелость, бескомпромиссную мужественность и четкий акцент на личных достижениях и стиле.

«Парни, которые побеждают улицу»[8]

Считается, несмотря на недостаточность фактических подтверждений, что боксеры в большинстве своем являются выходцами из низших слоев (Weinberg and Aron, 1952d; Hare, 1971; Sugden, 1987). Так, в Чикаго преобладание сначала ирландцев, затем евреев из Центральной Европы, итальянцев и чернокожих, а в последнее время — увеличение численности выходцев из Латинской Америки отражало смену этих групп на нижних ступенях классовой лестницы. Рост числа бойцов-чикано (и ощутимое присутствие пуэрториканцев) в прошлом десятилетии, который без труда можно увидеть при беглом просмотре программы ежегодного чикагского турнира «Золотые перчатки», обусловлен массовым притоком мексиканских иммигрантов и вливанием их в число низших слоев Среднего Запада. Схожий процесс «этнического замещения» можно наблюдать и на других крупных боксерских рынках страны — в Нью-Йорке и Нью-Джерси, во Флориде и Южной Калифорнии.

[8] Перефразированный девиз чикагского Клуба мальчиков и девочек, встречающийся в Стоунлэнде: «Клуб, который побеждает улицу» (клубная брошюра).

Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на распространенные представления, подкрепляемые мифом о «голодном бойце» (Jenkins, 1955) и периодические воспроизводимые средствами массовой информации, обращающимися к «экзотическим» фигурам в боксе, наподобие «отморозков» и бывших заключенных, боксеры в основном происходят не из самых обездоленных фракций субпролетариата, живущего в гетто, а скорее из тех фракций *меньшинства рабочего класса, которые стремятся к стабильной социально-экономической интеграции.* Этот (само) отбор, исключающий самых исключенных, основывается не на ограничениях, связанных с нехваткой финансовых средств, а на моральных и телесных наклонностях, имеющихся у обоих этих сегментов чернокожего населения. Нет никаких прямых экономических препятствий для занятия боксом: ежегодный членский сбор в Клубе мальчиков Стоунлэнда составляет 10 долларов; необходимое удостоверение от Федерации любительского бокса стоит еще 12 долларов в год; при этом все необходимое снаряжение предоставляется клубом (за исключением бинтов для рук и кап, которые можно приобрести меньше чем за 10 долларов в любом магазине спортивных товаров).[9] Молодежь из самых обездоленных семей не в состоянии заниматься боксом из-за отсутствия у нее необходимых привычек и наклонностей: чтобы стать боксером, нужно вести размеренную жизнь, иметь минимальное чувство дисциплины, соблюдать физическую и ментальную аскезу, которые не связаны напрямую с нестабильным социально-экономическим положением. Ниже определенного порога личного и семейного постоянства трудно приобрести минимальные физические и ментальные наклонности, необходимые для овладения этим видом спорта.[10]

Предварительный анализ биографий 27 бойцов (все, за исключением двух из них, — чернокожие в возрасте от 20 до 37 лет), занимавшихся летом и осенью 1991 года в трех крупных спортивных залах Чикаго, показывает, что профессиональные боксеры в целом занимают более высокое положение, чем низшие слои бедных районов. Только треть из них выросла на пособие, и 22 % в настоящее время являются безработными; остальные либо имеют постоянную работу, либо получают «недельное жалованье» от своего менеджера. Тринадцать из них (или 48 %) посещали местный колледж (хотя и не долго и с не слишком большими образовательными и экономическими успехами), у одного был диплом об окончании колледжа, а еще у одного — степень бакалавра. Только трое (или 11 %) не закончили среднюю школу, и целых 48 %

[9] Муниципальные спортивные залы Парк-дистрик обходятся еще дешевле, так как в них не нужно платить членские взносы; один из профессиональных спортивных залов в Чикаго взимает ежемесячную плату в 5 долларов с любителей и 20 долларов с профессионалов, но и многим отказывает. Встречаются залы и с более высокой платой (например, 55 долларов за квартал в Сомервильском боксерском спортивном зале в пригороде Бостона и 50 долларов в месяц в Тендерлойнском спортивном зале в Сан-Франциско).

[10] Отсутствие внутренней выдержки может быть компенсировано только необычайной агрессивностью, физическим мастерством и умением «держать удар» на ринге. Но такие бойцы быстро «перегорают»: им часто не удается раскрыть свой потенциал. Выдающиеся боксеры, вроде бывшего троекратного чемпиона мира Вильфредо Бенитеза, сына пуэрториканского заготовителя сахарного тростника, особенно показательны в этом отношении: хотя он начал заниматься боксом в 14 лет и стал чемпионом мира в 17, недостаточная подготовка и несоблюдение дисциплины помешали ему продолжить карьеру боксера.

имели текущие чековые счета. Для сравнения: среди мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, проживающих в гетто в Саут-Сайде и Вест-Сайде Чикаго, 36 % выросли на пособие, 44 % являются безработными, половина не закончила среднюю школу и только 18 % имеет текущие чековые счета (Wacquant and Wilson, 1989, p. 17, 19, 22). Поэтому образовательный, трудовой и экономический статус профессиональных боксеров несколько выше статуса среднего жителя гетто. Наиболее показательно, что ни у одного из них отец не имел образования выше средней школы, и почти все они имели типичную «синеворотничковую» работу (за исключением сына богатого белого предпринимателя из пригорода). Отрывочные свидетельства показывают, что социальный отбор бойцов несколько возрастает, а не снижается, по мере подъема по боксерской карьерной лестнице, возможно, по причинам, приведенным ранее: «Большинство моих парней», — говорит опытный тренер и основатель всемирно известного спортивного зала «Кронк» в Детройте Иммануэль Стюард, — «вопреки распространенным представлениям, совсем не бедны. Они приезжают из хороших мест со всей страны» (цит. по: Halpern, 1988, p. 279).

Вовсе не принадлежа к этому дезорганизованному и десоциализировнному «опасному классу», о котором шла речь в недавних рассуждениях о росте чернокожих «низших слоев», якобы оторванных от «основного общества» (Auletta 1982, Jencks and Peterson 1991), профессиональные боксеры — и на это указывают все имеющиеся данные — происходят из традиционного рабочего класса и пытаются сохранить или вернуть себе этот непрочный статус, овладевая тем, что они считают профессиями, требующими квалифицированного труда, высоко ценимыми непосредственным окружением и потенциально способными приносить большой доход. Взрослые, посещающие Клуб мальчиков, в большинстве своем работают (пусть и на полставки) сторожами, сталелитейными рабочими, служащими на бензоколонке, посыльными, каменщиками, спортивными инструкторами, пожарными, адвокатами в центре содержания трудных подростков или продавцами в продуктовых магазинах. Безусловно, эти связи с рабочим классом в большинстве случаев слабы, поскольку такая работа непостоянна, низко оплачивается и не снимает почти хроническую потребность в «подработке», возникающую в конце каждого месяца (Valentine, 1978). Часть профессиональных бойцов действительно происходит из низших слоев общества, неполных семей, живших на пособие, проведших большую часть детства в стигматизированном муниципальном жилье и страдавших от постоянной безработицы. Но они не составляют большинства и не относятся к наиболее преуспевающим боксерам. И хотя своим скромным доходом и невысоким образованием они не слишком выделяются из массы жителей гетто своей возрастной категории, боксеры чаще живут с женами или подругами и детьми и имеют важное отличие, связанное с принадлежностью по крайней мере к одной формальной организации — боксерскому залу, — ведь подавляющее большинство жителей бедных районов вообще не принадлежит ни к одной подобной организации (за исключением немногочисленных оставшихся жителей из числа среднего класса; ср.: Wacquant and Wilson, 1989, p. 24).

Количество посетителей Клуба мальчиков Стоунлэнда заметно меняется от месяца к месяцу. В него приходит 100–150 новичков в год — молодых и не очень (самому старому члену клуба за 50, а самому юному — 12 лет), —

но большинство из них задерживается не дольше, чем на несколько недель, считая тренировки слишком сложными для себя. Уровень отсева, превышающий 90 %, — для бокса не редкость. Посещаемость достигает максимума зимой, как раз перед турниром «Золотые перчатки» (квалификационные соревнования проводятся каждый год в начале февраля), и в конце весны. Постоянные посетители, включая внутренний круг из восьми старых членов, в основном профессионалов, которые начинали тренироваться вместе, составляют костяк клуба. Большинство постоянных членов усердно занимается в зале, чтобы затем принять участие в соревнованиях любителей или профессионалов. Другие приходят в зал за тем, чтобы приобрести или сохранить спортивную форму, поддержать связь с друзьями-боксерами или освоить приемы самообороны. Помимо бойцов и тренеров, многие бывшие боксеры в возрасте приходят, чтобы просто поболтать с Ричи, часами вспоминая старые добрые времена, когда «бойцы были настоящими бойцами».

Самое важное деление между членами клуба — это деление между любителями и профессионалами. Любительский и профессиональный бокс — это два структурно взаимосвязанных, но все же опытно очень далеких мира. Боксеры могут годами оставаться любителями и при этом почти ничего не знать об обычаях и порядках, которые влияют на карьеру их коллег (особенно в экономическом отношении). Кроме того, различия в правилах столь значительны, что они даже делают любительский и профессиональный бокс двумя различными видами спорта: упрощая, можно сказать, что цель любителей состоит в том, чтобы набрать очки, нанося удары противнику (и рефери обладает широкими полномочиями для того, чтобы остановить бой прежде, чем здоровью одного из боксеров будет нанесен явный вред); задача профессионалов состоит в том, чтобы причинить боль противнику при помощи сильных ударов. Как заметил опытный тренер из другого зала: «Знаешь, профессиональный бой — это когда из тебя пытаются выбить дух. Грубая игра. Ты становишься профессионалом, и начинается грубая игра, а это совсем не детские шалости. Если ты любитель, то для тебя бокс — это развлечение. Профессионалы же пытаются тебя убить». Большинство боксеров-любителей не становится профессионалами, поэтому последние являются отборной группой; и вновь успешному переходу в профессионалы способствует минимально стабильная жизнь. В каждом из этих классов существует множество дополнительных различий, относящихся к стилю и тактике: боксер может быть «забиякой» или «тихоней», «темной лошадкой» или «мешком», «зверюгой» и так далее. При всех этих различиях культура спортзала осознанно эгалитарна в том смысле, что ко всем членам клуба одинаковое отношение: независимо от своего статуса и целей, они имеют одинаковые права и обязанности, особенно в том, что касается тяжелой «работы» при подготовке к бою и демонстрации своей решительности на ринге. В действительности, боксеры, имеющие личного тренер, получают больше внимания, а подготовка профессионалов более структурирована и к ней предъявляется больше требований. Но Ричи точно так же готов учить шестнадцатилетнего новичка, который может бросить занятия через неделю, нанесению прямого удара левой в корпус, как и тренировать защиту ветерана ринга. Независимо от уровня боксерского мастерства, всякий, кто «платит взносы», считается полноправным членом клуба.

Разумеется, все члены клуба – мужчины: спортзал – это *образцовое мужское пространство*, пересечение границ которого женщинами считается допустимым, только если оно случайно. Несмотря на отсутствие формальных препятствий для занятий боксом для женщин (тренеры вообще предпочитают не разговаривать о женском боксе), женщин в спортивном зале не бывает, потому что их физическое присутствие символически, если не фактически разрушает весь боксерский мир (Wacquant, 1991b).[11] Подруги или жены бойцов приходят на тренировки своих мужчин только в особых случаях (например, перед важным боем или сразу после трудной победы). При этом они всегда тихо и неподвижно сидят на немногочисленных стульях, выставленных вдоль стен, и вообще двигаются по стенкам, стараясь не заступать на «пол», даже если на последнем никто не занимается. И, конечно, они не могут вмешиваться в режим тренировок, если речь не идет о повседневных заботах, приготовлении специальной пищи и оказании эмоциональной и даже финансовой помощи. В Стоунлэнде, если женщина присутствует в зале, боксерам нельзя даже выходить из раздевалки с голым торсом, чтобы взвеситься на весах, которые находятся в задней комнате, словно полуобнаженные тела мужчин можно наблюдать только «работающими» на ринге, но не «расслабленными» в зале. В другом спортивном зале главный тренер старается держать женщин на расстоянии: прежде всего, он просит своих боксеров не приводить «девушек» в спортзал; если они все же приводят их, то тренер устраивает спарринг с намного более сильным бойцом, чтобы его побили на ринге и он «потерял лицо». Еще в одном спортивном зале существует специальная область, отделенная высокой перегородкой, которая формально предназначена для размещения посетителей, но на деле используется только женщинами. В знаменитом зале «Топ ранк» в Лас-Вегасе женщин вообще запрещено пускать в соответствии с правилами.

По мере накопления опыта одни боксеры находят, что им удобнее оставаться на уровне «спортзала», в котором они занимаются и участвуют в спаррингах, время от времени выступая на турнирах; другие решают и дальше участвовать в соревнованиях, оставаясь какое-то время любителями прежде, чем окончательно «перейти в профессионалы». Различие между несоперническим боксером и полноценным бойцом проявляется в расходах на экипировку и наличии постоянного шкафчика. Только бойцы, принимающие участие в соревнованиях, тренируются в своих перчатках (обычно у них есть несколько старых пар, накопившихся за годы тренировок), в собственных шлемах и со своей собственной скакалкой, которые они держат под замком в своем индивидуальном шкафчике. Покупка обуви для бокса (которая стоит от 35 до 60 долларов) и шлема для спарринга (минимум 60 долларов) служит

[11] Но бывают и исключения из правила: за время моего пребывания в спортзале Стоунлэнда тренировалась одна женщина-кик-боксер, но она имела особые отношения со своим «звездным» бойцом. Моя невеста занималась в нем несколько месяцев и провела в спортзале много времени, но все же она чувствовала себя более комфортно в свободное от тренировок время и установила близкие личные отношения с главным тренеров (у нее было два важных «смягчающих обстоятельства»: она была француженкой и «женой социолога»). В другом чикагском спортзале тренируется известная женщина-профессиональный боксер, правда, по особому расписанию. О гендерной замкнутости боксерского мира свидетельствует реакция на пребывание женщины-этнографа в одном из боксерских залов Сан-Франциско (Mosca, 1991).

верным свидетельством готовности и дальше участвовать в соревнованиях. Одежда атлетов также служит свидетельством их степени участия в спорте, хотя и менее надежным и более легко поддающимся манипулированию: фирма *Ringside*, которая доставляет боксерскую экипировку по почте, продает изготовленные на заказ майки, шорты и тренировочные свитеры по умеренным ценам. В целом, вложения в одежду для тренировок служат достаточно надежным свидетельством моральных и физических вложений в бокс.

Мы видели, как среда бедных районов и определенные особенности уличной культуры способствуют тому, что молодежь начинает считать бокс значимым и ценным видом деятельности, позволяющим проявлять основные ценности ее мужского этоса. С этой точки зрения, спортзал и гетто неразрывно связаны. Однако в самом зале такая связь разрушается и полностью заменяется спартанской дисциплиной, которой должны подчиняться боксеры, использующие уличные качества для достижения иных, более жестко структурированных и отдаленных целей. Первое, на что всегда обращают внимание тренеры, — это то, чем *нельзя* заниматься в спортивном зале. Заместитель главного тренера в Стоунлэнде дает следующий сжатый перечень вещей, запрещенных в спортзале: «Не материться. Не курить. Громко не разговаривать. Запрещено неуважительно относиться к женщинам, тренерам и друг другу. Никакой враждебности, никакого бахвальства». К этому можно добавить множество небольших, зачастую неявных правил, образующих плотную сеть ограничений, призванных *усмирить* поведение в спортзале: запрещается проносить еду или спиртные напитки, разговаривать во время тренировки, засиживаться на скамьях, стоящих вдоль стен, менять последовательность упражнений в тренировке (например, начинать тренировку с прыжков со скакалкой вместо разминки и «боя с тенью»). Когда идешь в душ, необходимо, чтобы под полотенцем были плавки, а при выходе из зала нужно надевать сухую одежду. Нельзя использовать экипировку неустановленным образом, наносить удары по предметам, проводить спарринг или — что еще хуже — начинать бой или даже просто его имитировать за пределами ринга. Такие инциденты настолько редки, что их помнят все, в отличие от обычных случаев уличного насилия.

Большинство не выраженных явно «внутренних правил» клуба можно увидеть только в поведении постоянных членов, постепенно усвоивших их; о них вспоминают только при их нарушении.[12] Неспособные принять этот неписанный кодекс поведения вскоре либо просто перестают ходить на тренировки, либо Ричи советует им начать ходить в другой зал. В общем, как будет показано ниже, спортивный зал представляет собой квазитотальный институт, который стремится определить все существование бойца, его поведение во времени и пространстве, владение телом и даже его душевное состояние.

> В зале ты приучаешься дисциплине, самоконтролю. Ты приучаешься ложиться спать раньше, вставать раньше, приходить вовремя, заботиться о себе, правильно питаться.

[12] В большинстве других спортзалов, которые я посещал, правила были выражены более четко и оформлены в виде стандартного перечня, вывешенного на входной двери, на стене или в ином месте, где они были видны всем. Чем менее постоянным и более социально рассеянным было членство в клубе, тем больше было прямых правил.

> Твое тело — это машина, которая должна быть точно настроена. Ты приучаешься контролировать себя на улицах, на людях. Он прививает тебе *армейский, солдатский склад ума*, и это очень полезно. (31 год, профессионал, пожарный).

> Средний парень, тренирующийся в этом спортзале, *созревает* на 85 % быстрее, чем на улице. Это потому, что он узнает о дисциплине, пытается добиться спортивных успехов, владеть собой на ринге… Ну, скажем, я говорю тебе, как надо делать, но [у тебя] может не получиться: это как *в армии* — тебе показывают, что значит быть *настоящим мужчиной* и как завоевать *уважение*. (29 лет, профессионал, сторож).

Таким образом, *боксерский спортзал определяется через символическое противостояние окружающему гетто*: в то же самое время он принимает жителей этого гетто и опирается на культуру мужской крутизны, физической удали и владения телом; он противопоставляется улице как индивидуальное и коллективное управление страстями частной и общей анархии, как конструктивное, с точки зрения социальной жизни и идентичности бойца, и контролируемое насилие насилию, внешне лишенному ритма или смысла, непредсказуемым и необузданным столкновениям, символизируемым преступностью и наркоторговлей, наводнившими окрестности.

Бокс как «социальное искусство»

Если отличительная особенность практики, как утверждает Бурдье, состоит в том, что она следует «логике, что непосредственно осуществляется в гимнастике тела» (Бурдье, 2001, с. 174) без вмешательства дискурсивного сознания и рефлексивного развертывания, то есть через исключение созерцательного и вневременного теоретического взгляда, то трудно представить себе практики, которые были бы более «практичными», чем бокс. Для большинства правила бокса сводятся к движениям тела, которые можно постичь только в действии и которые находятся на самом краю того, что может быть интеллектуально понято и осмысленно. Кроме того, бокс предполагает ряд стратегических взаимодействий, в которых за герменевтические ошибки приходится расплачиваться сразу, а сила и частота полученных ударов (или «наказания», как его называют боксеры) означает неизбежную и мгновенную оценку исполнения: действие и его оценка сочетаются друг с другом, а рефлексивное возвращение по определению исключено из деятельности. Это значит, что невозможно построить науку «социального искусства» бокса, то есть «чистую практику без теории», по определению Дюркгейма (Durkheim, 1956, p. 78), не познав ее на практике. Для понимания мира бокса необходимо погружение в него, изучение его и переживание его изнутри, *intus et in cute*. Самостоятельное понимание объекта служит здесь необходимым условием адекватного познания объекта.

Культура боксера не состоит из конечного и дискретного объема информации и нормативных моделей, которые существуют независимо от их применения и могут быть переданы в некой логической, самоподдерживаемой последовательности. Скорее, она состоит из (постоянно воспроизводимого в функционировании спортзала) рассеянного комплекса положений и (физических и ментальных) действий, который существует только в *деятельности*, а также

в следах, которые такая деятельность оставляет в и на теле. Боксерское знание состоит в практическом знании, состоящем из схем, которые полностью имманентны практике. Отсюда следует, что внушение диспозиций, которые создают боксера, осуществляется в процессе *Bildung* тела, в частности, в (ре)социализации физиологии, в которой «функция педагогической работы обеспечивает замещение дикого тела... телом "обученным", то есть темпорально структурированным» (Bourdieu, 1972, p. 196) и физически перестроенным в соответствии с определенными требованиями поля.

Бесконечная аскеза

Подготовка боксера—это постоянная и суровая дисциплина (в данном случае такое утверждение вполне оправданно, так как Клуб мальчиков Стоунлэнда—один из лучших в городе и тренер строго следит за соблюдением дисциплины), направленная на передачу—в практическом ключе посредством *прямого воплощения*—практического владения телесными, визуальными и ментальными схемами бокса. Примечателен повторяющийся, голый, аскетический характер тренировки: ее различные этапы повторяются *ad nauseam*, день за днем, неделя за неделей с едва заметными изменениями.

Одно из наиболее распространенных заблуждений насчет бокса состоит в том, что подготовка профессиональных боксеров, по сути, заключается в глупом избиении друг друга. На самом деле в своих тренировках боксеры тратят совсем немного времени на схватки с противником или партнером (важность этого различия прояснится ниже). Значительная часть тренировки связана не с «работой на ринге», а с «работой на полу» и «работой за столом». Члены Клуба мальчиков тренируются в спортзале в среднем четыре-пять раз в неделю, иногда и чаще (ближе к встрече профессиональным бойцам приходится тренироваться каждый день). Обычно меню тренировки, которая может длиться от 45 до 90 минут или больше, содержит пять основных ингредиентов, которые каждый боксер может дозировать по вкусу и в зависимости от требований момента: «бой с тенью», отработка ударов на мешке, работа с грушей, прыжки со скакалкой и упражнения на пресс. Обычно тренировка может включать пять раундов «боя с тенью» перед зеркалом и еще три на ринге (отработка движений и комбинаций перед воображаемым противником); три подхода на тяжелом мешке, двусторонней пневматической груше и мешке для апперкота; три подхода для повышения скорости и улучшения координации глаз и рук на груше, три подхода со скакалкой перед тем, как завершить тренировку приседаниями со штангой, жимом и толчком и другими силовыми упражнениями. Если не предусмотрен спарринг, то можно работать с «лапами» (нанося удары по специальным подушкам, надеваемым на руки тренером, который перемещается по рингу, имитируя противника, меняя углы и высоту лап и требуя выполнения определенных комбинаций) или тренировать мышцы пресса при помощи другого боксера, бьющего по прессу медицинским мячом или руками в специальных перчатках. Прибавьте к этому ежедневные «пробежки»: профессиональные боксеры из Клуба мальчиков пробегают в среднем от трех до пяти миль в день шесть дней в неделю (три дня бега, один день отдыха, потом снова три дня бега).

Профессиональных боксеров часто сравнивают с артистами. Более уместной аналогией была бы фабрика или ремесленная мастерская (Wacquant, 1991a, p. 16–17). Ибо овладение этим мужским искусством во многом похоже на повторяющуюся, хотя и квалифицированную, ручную работу.[13] Боксеры и сами считают тренировку работой: «это работа, которую я должен выполнить», «я должен выполнить свое домашнее задание», «это похоже на вторую работу», а их тела служат инструментами. Зная, что очень важно быть в форме, они трудятся в зале так, чтобы можно было выйти на ринг в лучшем виде, они все лучше овладевают своим телом и меньше беспокоятся, зная, что они готовы к бою: «Свой бой ты выигрываешь в спортзале», — гласит известная боксерская поговорка. Тренировки могут быть настолько изнурительными, что бой по сравнению с ними — «семечки»; и некоторые действительно считают тренировки самой трудной составляющей того, чем они занимаются. Можно позаимствовать приведенное Плимптоном (Plimpton, 1989, p. 173) описание подготовки Джо Фрезера, которое применимо ко многим неизвестным клубным бойцам: «Он — радостный мазохист в спортзале, истязающий себя без устали, стремясь достичь такого уровня крутизны, который позволит ему забыть об агрессии его противника… “Я работаю так же тяжело и в спортивном лагере, наказываю себя, но потом, когда дойдет до дела, мне будет намного проще. Когда прозвонит гонг, я буду готов. Я заведусь”».

Но жертвы не ограничиваются только залом. Монашеская преданность, необходимая для подготовки к бою, глубоко проникает в частную жизнь боксера и пронизывает всю его общественную жизнь. Чтобы достичь оптимального веса, ему необходимо соблюдать строгую диету (избегать сладкого и жаренного, питаться белым мясом и приготовленными на пару овощами, пить чай или воду). Необходимо соблюдать режим и рано ложиться спать, чтобы восстановить силы. Его с самого начала предупреждают о необходимости отказа от половых контактов с женщинами за несколько недель до боя. Считается, что это позволяет сохранить «телесные соки», физическую силу и духовную решимость (Wacquant, 1991b). И это — больше, чем тренировки — может сделать жизнь профессионального боксера по-настоящему суровой. 24-летний претендент во втором полусреднем весе жалуется, что для него самая большая жертва — это не сами тренировки, а:

> невозможность питаться калорийной пищей, гамбургерами, картофелем-фри, ну и запрет на занятия *сексом*. Я люблю пиво, но пить его запрещено: никакого пива — даже легкого. Нужно быть очень *преданным* своему делу человеком, чтобы сказать себе: «Никаких женщин в этом месяце» или «никаких гамбургеров». (Затем голос быстро повышается, словно ему неприятна сама мысль). Знаешь, что такое месяц без жирной пищи, коки, мороженного или шоколадного печенья? Это же *ад*!

[13] Как проницательно заметил Джеральд Эрли (Early, 1988, p. 20–38), «словом, которое приходит в голову чаще, чем любое другое при наблюдении за работой бойцов в спортзале, является “пролетариат”. Эти люди честно и в большинстве случаев тяжело *трудятся*; поражает готескность этой работы, которая намного превышает кошмар сборочной линии. И слово “пролетариат” весьма подходит к бойцам, которых мы также называем глупыми и нелепыми».

И все же крайняя скука и монотонность тренировок приносит определенное удовлетворение, связанное с мужской дружбой в клубе, выражаемой через взгляды и улыбки, разговоры, подначки и советы во время «перерывов» или дружеские удары по перчаткам (боксеры ритуально приветствуют друг друга, поочередно нанося удары по кулакам в перчатках снизу и сверху). Чувство удовлетворения также связано с владением телом, его «настройкой» и постепенным привыканием к боксерской дисциплине. Помимо острого ощущения целостности и «прихода»,[14] возникающего во время тренировок, подготовка сама по себе становится наградой, когда она приводит к овладению сложным движением или победе над собственной ограниченностью (когда удается пройти через муки спарринга с трудным противником). Наконец, боксеры наслаждаются своей «принадлежностью к одной небольшой гильдии», известной своей физической крутизной и смелостью. Они наслаждаются тем, что «они отличаются от других. Они — бойцы» (Bennett and Hamill, 1978). «Завсегдатаи» спортзала получают удовлетворение от гордого ношения застиранной боксерской одежды, футболок и курток, позволяющих понять, чем занимается их хозяева.

> Да, это как *вещи брата*, знаешь, здесь все как братья. Они видят, что у тебя что-то не получается, и пытаются тебе помочь, *ободрить*. Они всегда подшучивают друг над другом, но любя: в зале мы все стали *друзьями*. (24 года, профессионал, в прошлом — занимался телефонным маркетингом, теперь — боксер в Атлантик-Сити).

> Мне нравится звук, когда я наношу по груше четыре-пять быстрых ударов и отхожу в сторону. Мне нравится видеть свое тело *настроенным*, чувствовать себя в форме, знать, что люди на меня смотрят и видят мои *способности*. Это мне нравится. (31 год, профессионал, пожарный).

> Бывший профессиональный боксер, занимавший не последнее место в мировом рейтинге боксеров среднего веса и недавно ушедший из спорта, сказал: «Лучшим, что я помню из своей карьеры, было... (задумчиво) *затягивание шнурков на перчатках*. [Серьезно?] Да-да, постоянно в спортзале. День за днем. [Что вы чувствовали?] Что-то вроде оргазма, когда завязываешь шнурки на перчатках, да... Ведь я знал, что я выйду на ринг и что пришло время побузить. Во время боя, тренировки, *пока на тебе перчатки* (интервью, август 1991 г.)

Бокс похож на социологию тем, что, будучи практикой, доступной только посвященным, все его проявления видны непосвященным. Внешняя простота движений боксера обманчива: вовсе не будучи «естественными» и самоочевидными, основные удары (прямой левый в корпус и хук, встречный правой, прямой правый и апперкоты) очень трудно выполнить правильно; и они предполагают полное физическое «преображение», глубокое изменение кинети-

[14] Боксеры говорят о «естественном кайфе» и сравнивают ощущения, возникающие при интенсивных тренировках (или боях), с сексом или оргазмом. О «приходе» вообще, а также интересные параллели с управлением риском и неопределенностью при переживании «прихода» у альпинистов, см.: Csikszentmihalyi, 1975; Mitchell, 1983. P. 153–169.

ческой координации и даже изменение психики. Одно дело визуализировать и мысленно представлять проведение удара, другое дело — выполнить его или даже соединить с высоким градусом действия. В сущности, нужно выполнить тысячу условий, чтобы провести совершенный удар. Например, для результативного прямого левого в корпус нужна, среди прочего, правильная постановка ног, бедер, плеч и рук; необходимо «выбросить» левую руку в нужное время, повернуть запястье по часовой стрелке, повернуть корпус в момент нанесения удара, но не слишком быстро, и перенести вес тела на стоящую впереди ногу; при этом правую руку все время нужно держать рядом со скулой и быть готовым блокировать или парировать удар противника. От теоретических знаний нет толка, пока движение не вписано в телесную схему; и только после его освоения телом в бесчисленных физических тренировках, которые образуют множество «практик инкорпорирования» (Connerton, 1989), можно по-настоящему понять удар. В действительности, существует *знание и понимание тела*, которое выходит за рамки зрительного и мысленного понимания (и предшествует ему). Регулируемое экспериментирование с телом во время тренировок делает возможным «практическое понимание» правил бокса, которое отвечает условию рассеяния с необходимостью составить их значение в сознании.

Чтобы дать адекватное объяснение этого незаметного процесса, ведущего к тому, что человек становится вовлеченным и начинает инвестировать/нагружать — в экономическом и психоаналитическом смысле — в игру, в долгое восхождение и позволяющего новичку преодолеть первоначальный ужас или безразличие и придти к любопытству, а затем и к интересу к боксу и даже плотскому желанию боксировать и «делать это» на ринге (*libido pugilistica*), мне понадобилось бы привести пространные цитаты из полевых записей, которые делались после тренировок на протяжении нескольких месяцев. Их обыденность и избыточность позволила бы четко осознать невыносимо медленное продвижение — неделя за неделей — в овладении движениями и осознании — чаще всего ретроспективном и обычно жестикуляционном — боксерской техники и изменений, которые происходят с телом. Такие цитаты также передали бы, хотя и не до конца, целостный и коллективный характер боксерской подготовки, когда каждый принимает участие в обучении остальных, каждый боксер служит реальным или потенциальным — положительным или отрицательным — примером; даже материальная обстановка — от портрета Джо Луиса в натуральную величину, висящего на стене в задней комнате, до красочных постеров о прошедших и будущих боях, поношенных перчаток, скакалок и шлемов, выставленных на столе тренера, — оказывает реальное, хотя и слабо заметное воспитательное воздействие.

И все же, скорее всего, от внешнего наблюдателя[15] ускользнет *необычайно глубокая чувственная составляющая причастности к боксу*. Придется обратиться ко всем инструментам визуальной социологии (Becker, 1981, Harper, 1988)

[15] И *a fortiori* читателя: разве простой переход к письменным средствам общения не приводит к необратимой трансформации передаваемого опыта? Замечание Вилленера (Willener, 1988. P. 61.) относительно музыки вполне применимо и к боксу: «Одним из препятствий для всякой социологии музыки остается то, что *непонятно, как о ней говорить*. Необходимо переводить свои музыкальные ощущения на немузыкальный язык».

или даже инструментам *чувственной социологии*, которая еще не изобретена (и о возможности которой говорил Кац [Katz, 1988]), для передачи процесса, посредством которого боксер становится организмически «нагруженным» игрой, постепенно становящейся частью его самого — боксеры часто используют метафоры крови или наркотиков, чтобы объяснить такую особую связь, похожую на *совместное владение*. Ведь человек приходит в мир бокса со всеми своими чувствами. Чтобы понять это в полной мере, нужно пропустить через себя сразу и передать все ароматы (пьянящий запах пота и обезболивающих мазей, запах кожи, исходящий от груш и перчаток); размеренный и глухой звук ударов по мешкам и звон цепей, на которых они подвешены; пулеметный треск пневматической груши и «топот» от прыжков через скакалку на деревянном полу; ритмичное дыхание бойцов, каждый вдох и выдох которых необычайно характерен; и особенно синхронное расположение тел во время тренировки, простой вид которых способен оказать глубокое воспитательное воздействие (Wacquant, 1989b, p. 38–39, 58–61); не будем забывать и о температуре, изменение и интенсивность которой играет важную роль в спортивном зале. Их сочетание вызывает своеобразный *чувственный восторг*, который является ключевым измерением в воспитании боксера-ученика.

> Я хожу в спортзал, потому что мне это нравится. Мне не нравится, когда мне приходится пропускать тренировки. Это как врач, который любит проводить операции: в этом есть какой-то *естественный кайф*. Я не могу объяснить этого, это просто естественный кайф. Мне кажется, я похож на наркомана, который только и ждет своей дозы. Мне нужна она, мне просто нужна она! Это часть моей жизни. (31 год, любитель, днем — водитель службы доставки, ночью — сторож).

Драка: социальная логика спарринга

И хотя профессиональный боксер обычно проводит значительную часть своего времени за пределами ринга, бесконечно отрабатывая движения перед зеркалом или тренируя свою выносливость и оттачивая координацию, нанося удары по самым разным мешкам, и даже за пределами спортивного зала, пробегая свой ежедневный кросс, кульминацией тренировки и критерием подготовленности остается спарринг. Без регулярной практики на ринге с противником остальная подготовка не имела бы большого смысла, ибо особого сочетания навыков и качеств, необходимых для боя, невозможно добиться простыми упражнениями со скакалкой. Многие боксеры, которые «выглядят на полу на миллион долларов», столкнувшись с противником, оказываются нелепыми и беспомощными. Как объясняет Ричи:

> Бить по мешкам, бегать и вести «бой с тенью» — это одно, а участвовать в спарринге — это совсем другое. Мышцы используются совершенно иначе; поэтому *для того чтобы быть готовым к спаррингу, нужно спарринговать*. Чем ты лучше как боец, тем больше тебе удастся *расслабиться*... Ты должен быть расслабленным и холодным; ты должен дышать совершенно иначе. В этом все дело. И это приобретается только с опытом. [А нельзя научить боксера расслабляться или правильно дышать вне ринга?] Нет, черт возьми! Нет! Ты можешь много говорить об этом, но все без толку.

Спарринг, который имеет свое особое временное измерение (если боксер не собирается участвовать в соревнованиях, ему все равно нужно время от времени спарринговать, чтобы не потерять форму),[16] служит одновременно вызовом и наградой. Прежде всего, он приносит ощутимое вознаграждение после долгих недель тяжелого труда и кажущихся бесконечными «жертв». Тренеры в Стоунлэнде пристально следят за подготовкой своих подопечных и запрещают участвовать в спарринге тем, кто открыто пренебрегал тренировками: «Малыш Энтони не надевал перчаток, Ричи. Он не бегал, не качался. Не стоит тратить на него свое время. Это позор». Но спарринг — это также испытание силы, хитрости и смелости, хотя бы потому, что возможность причинения серьезного вреда здоровью неустранима, несмотря на все предосторожности — за время моего пребывания в спортзале троим боксерам сломали носы, одному боксеру порвали язык апперкотом (для его восстановления потребовалось наложить шестнадцать швов); рассечения встречаются редко из-за защитных шлемов, но разбитых носов и синяков избежать невозможно. Не стоит напоминать, что каждый раз, когда боксер входит на ринг (даже с новичком), он ставит под угрозу часть своего символического капитала: малейший промах или ошибка, например нокдаун или грубое проведение удара, приносят бойцу не меньше проблем, чем его друзьям по спортзалу, которые старательно помогают ему «сохранить лицо» (Гофман, 2000), восстановив неустойчивое и неопределенное положение в зале. Для этого всегда имеется множество социально признанных оправданий: от болезни («я боролся с гриппом, он просто убивал меня») до мнимых травм (больная рука, плечо) и — к этому обращаются чаще всего, особенно тренеры — нарушения священного кодекса полового воздержания во время подготовки (Wacquant 1991b).

Хотя в количественном отношении спарринг отнимает у бойца совсем немного времени, он все же требует пристального рассмотрения. Прежде всего, потому, что в нем отражается крайне *кодифицированный и коллективно управляемый характер боксерского насилия*, а также потому, что, занимая промежуточное положение между «боем с тенью» и действительным боем с противником, спарринг позволяет увидеть — словно через увеличительное стекло — неуловимое и явно противоречивое сочетание инстинкта и рациональности, эмоций и расчета, индивидуальной страсти и группового контроля, которое придает работе по подготовке бойца особое качество и венчает собой процесс тренировки.

1. Выбор партнера: Все в спарринге вращается вокруг выбора партнера и потому требует обязательного одобрения со стороны главного тренера.[17]

[16] Некоторые боксеры «звереют» (то есть страдают от синдрома «зависимости от драк») не столько из-за ударов, полученных во время боев, сколько из-за множества ударов, пропущенных во время занятий в зале. Это особенно касается боксеров, которые начинают заниматься с раннего возраста (иногда младше десяти лет) или слишком долго остаются любителями в надежде пройти отбор и принять участие в (следующих) Олимпийских играх, пройдя через сотни боев прежде, чем стать профессионалами, которые тут же оказываются не у дел. Подробнее о распоряжении «телесным капиталом» боксера в зале и за его пределами см.: Wacquant, 1989b. P. 63–67.

[17] Личность и философия главного тренера имеет решающее значение, поскольку они определяют основные черты социального регулирования насилия на ринге. В более безличных, даже аномических залах (таких, как многие муниципальные залы «Парк дистрикт»), не имеющих

Ричи никогда не поставит в пару бойцов, которые ему незнакомы; даже постоянные спарринг-партнеры спрашивают у него разрешения прежде, чем облачиться в форму (то есть вставить капу и надеть шлем, смазать лицо вазелином и завязать специальные большие и тяжелые перчатки) и выйти на ринг. Это делается для того, чтобы подготовить противников таким образом, чтобы оба боксера извлекли пользу из тренировки, и максимально снизить риск причинения вреда здоровью. Как уже говорилось ранее, соображения чести также играют свою роль: в идеале никто не вступит в спарринг со слишком сильным противником из страха «получить серьезную трепку» или слишком слабым противником, который не способен себя защитить. Однако непостоянное посещение и расхождения в графиках тренировок и боев у членов клуба могут осложнить поиск постоянного партнера, подходящего по весовой категории, навыкам и стилю. Поэтому разумно поддерживать дружеские отношения в зале с тем, кто есть, не задевать его чувства, обеспечивая определенное равновесие во время спарринга, и быть всегда готовым «вернуть» несколько раундов (по крайней мере три) тому, кто тебя же выручил. И поэтому спрашивать боксера о его готовности к спаррингу некорректно: это означает вмешательство во взаимные обязательства, связывающие его самого с его нынешними или прошлыми партнерами; лучше не спрашивать, если считаешь, что ответ будет отрицательным.

При отсутствии подходящего спарринг-партнера можно обратиться за помощью к боксерам меньшего калибра или, как к последнему средству, даже к начинающим (когда-то я помог боксеру полутяжелого веса подготовиться к бою в Англии, несмотря на разницу в весе между нами в 50 фунтов). Члены клуба могут ходить в другие залы для спарринга, но такое случается нечасто, потому что это может только осложнить и без того непростые отношения между тренерами, наставниками и менеджерами различных залов. Во всех случаях *должно существовать определенное равновесие между партнерами*, даже если для этого требуется намеренное ограничение возможностей одного из них. В случае чрезмерного несоответствия более опытный боец молчаливо, а иногда и явно, соглашается «воздерживаться от ударов» и сосредоточиться на скорости, «работе ног» и защите, а слабый боксер уделяет основное внимание проведению ударов и нападению. Когда один из них — новичок, то важно выбрать для него такого первого партнера, который справится с его ударами и темпераментом. Ричи выжидал почти десять недель прежде, чем разрешить мне войти в «логово льва», не только потому, что мне нужно

четкой структуры авторитета и формального членства, правила, которые определяют ведение спарринга, намного более свободны и соблюдаются менее строго. В этих залах я видел множество инцидентов во время спарринга, которые невозможно было представить в Стоунлэнде. В одном из них неуклюжий чернокожий подросток зашел с улицы в зал, где преимущественно занимались белые; и хотя он никогда прежде не «нюхал перчатки», он бросил вызов опытному белому боксеру. Тренер согласился позволить зарвавшемуся юнцу выйти на ринг в своей повседневной одежде, после чего профессиональный боксер меньше чем за минуту нанес ему град сильнейших ударов, которые вызвали общее веселье. В другом зале я видел спарринг боксера второго полусреднего веса без шлема с тяжеловесом, который не перебинтовал руки прежде, чем надеть перчатки, и безуспешно пытался отражать атаки на протяжении четырех раундов. В некоторых залах зрители делают небольшие ставки на исход спарринга, создавая тем самым стимулы к чрезмерному насилию.

было придти в форму и набить руку, но и потому, что ему нужно было найти для меня подходящего партнера. И некоторые постоянные посетители оставались «недоступными» для меня даже после того, как я добился достаточных успехов, чтобы вести бои с бывалыми профессионалами.

> Во время моей подготовки к «Золотым перчаткам» Шанте предложил мне провести спарринг с Марком X., легким, но крепким белым любителем из Хаммонда, который проезжал каждый день по шестьдесят миль для того, чтобы подготовиться к турниру здесь. Я сказал об этом Ричи: «Шанте ничего в этом не смыслит, и ты ничего в этом не смыслишь: Марк надерет тебе задницу, он силен как черт, он самый сильный парень в зале! Посмотри на него: в нем всего 135 фунтов, но *он может вломить*. Я не хочу, чтобы тебе снова сломали нос». (Полевые записи, январь 1990 г.)

> Некоторые бойцы имеют стиль и характер, которые осложняют работу с ними из-за недостаточной совместимости с партнерами. «Возьмем Альфонсо. Он бьет тебя, старается ударить посильнее, не дает передышки. Я бы не поставил с ним Джона, пока он не научился двигаться: ты должен уметь двигаться и уходить от него, потому что у него очень сильный удар» (бывший член клуба в разговоре с менеджером о подборе партнера по спаррингу для Джона С., старого боксера, пытающегося вернуться в спорт, апрель 1991 г.)

2. Контролируемое насилие: точно так же, как нельзя вступать в спарринг с кем попало, нельзя и вести его как попало. Жесткость боя – это следствие баланса сил между партнерами с одной стороны (она тем более ограничена, чем более неравен этот баланс) и целей конкретного спарринга – с другой, то есть его положения на сдвоенной временной оси тренировки и соревнования. По мере приближения даты боя спарринги проводится все чаще и становятся более продолжительными – до 8 или 10 раундов ежедневно за неделю до соревнований (они прекращаются за два-три дня до боя для того, чтобы у бойца было время восстановить силы) – и более интенсивными, а неопытных боксеров временно держат подальше от ринга. Перед важным боем спарринг может быть почти таким же жестким, как и сам бой. Готовясь к очень важному бою с последней «большой белой надеждой» Джерри Куни, чемпион мира Ларри Холмс предложил вознаграждение в 10.000 долларов спарринг-партнеру, который согласится провести с ним бой в полную силу (Hauser, 1986, p. 199). И все же, как и во всяком нормальном тренировочном лагере, для него отбирались такие спарринг-партнеры, которые позволяли ему сохранить силы и уверенность в своей победе в бою.

Во время спарринга уровень насилия варьируется в соответствии с диалектикой вызова и ответа в подвижных рамках, обусловленных ощущением равенства и первоначальным соглашением между спарринг-партнерами и не являющихся ни нормой, ни контрактом, а тем, что Ирвинг Гофман (Гофман, 2000, с. 41) называл «рабочим консенсусом». Если один из бойцов находит свой темп и «входит во вкус», другой немедленно и «инстинктивно» реагирует усилением ответных действий; затем внезапно происходит вспышка насилия, когда оба партнера начинают биться в полную силу; но потом они расходятся и молчаливо соглашаются возобновить свою боксерскую дуэль

с меньшим накалом. Задача тренера состоит в том, чтобы контролировать этот «разговор на кулаках», следить за тем, чтобы более слабого партнера побили не слишком сильно (в этом случае он будет соответствующим образом инструктировать его противника: «Прямой по корпусу, Шанте, я велел тебе не выкладываться! А ты, Луи, подними уже свою чертову левую руку!») или чтобы партнеры вели спарринг не слишком вяло, лишая его тем самым всякого смысла («Чем вы там занимаетесь? Трахаетесь? Начинайте работать! Я хочу увидеть прямой в корпус и блоки!»).

Опытные бойцы умеют получать удовольствие от поединка, но они понимают, что этот бой ограничен «негласными» правилами и, несмотря на сходство с настоящим боем, заметно отличается от него, так как содержит в себе определенную составляющую «антагонистического сотрудничества» (Уильям Грэхем Самнер), недопустимую в последнем. Говорит один из старых членов клуба:

> В нем [в спарринге] нет ничего неприятного. Мне все в нем нравится, потому что ты одновременно учишься. В зале ты не пытаешься победить, здесь ты *учишься*. Это *учеба*. Ты готовишься здесь к настоящему бою… Я не могу травмировать своего соперника — я помню, что он мой спарринг-*партнер*. Он помогает *мне* точно так же, как я помогаю *ему*. Он не думает и не пытается меня травмировать… И здесь ты всегда показываешь, куда можно нанести удар, чтобы можно было учесть это на будущее и в следующий раз быть во всеоружии.

Многим боксерам требуется время, чтобы освоиться с этими неявными нормами сотрудничества, которые явно противоречат диктату публики и этосу неограниченного соперничества. Как и в случае с велогонками (Albert, 1991), этот «неформальный порядок сотрудничества» особенно проблематичен для новичков, которые, принимая игру за чистую монету, неспособны «дозировать» свою агрессию и полагают, что они должны выкладываться полностью. Об этом свидетельствует следующая полевая запись: «Вот новичок — он думает, что может побить каждого: "Я могу надрать задницу этому парню! Я лучший! Пошли на ринг!" И он хочет подраться с каждым. У нас будут проблемы с ним. Я не знаю, что делать, потому что я не могу позволить ему вступать в спарринг с таким подходом» (Ричи, ноябрь 1989 г.). Они должны *in actu* научиться понимать, когда нужно отступить и дать партнеру передохнуть и когда нужно его прессовать и заставлять трудиться.

3. Спарринг как перцепционная, эмоциональная и физическая работа: Будучи гибридом между обучением и борьбой, спарринг производит перевоспитание тела и духа, создавая то, что Фуко (Фуко, 1998, с. 249) называет «полисенсорной структурой», свойственной боксу и проявляющейся только в действии. Опыт ринга расширяет способность боксера к восприятию и концентрации, заставляет его обуздывать свои чувства и подготавливает его к настоящему бою. Первый спарринг — это воспитание чувств, особенно визуальных способностей; создаваемое им чрезвычайное положение ведет к последовательной *реорганизации способностей и привычек восприятия*. По мере накопления опыта в спарринге происходит преобразование структуры и возможностей визуального поля: внешняя суматоха и энтропия постепенно сменяются в этом

поле структурой и регулярностью; по мере приобретения «боксерского взгляда» появляется способность выделять главное, отсекать второстепенное, истолковывать и даже предвидеть соответствующие шаги (Wacquant, 1989a, p. 52–53).

Спарринг — это также средство и основа особенно интенсивной формы «эмоциональной работы» (Hochschild, 1983, p. 7). Боксеры должны сначала научиться управлять своими эмоциями и скрывать их на ринге. Они должны не только постоянно следить за своими внутренними ощущениями, но также осуществлять постоянный «экспрессивный контроль» (Гофман, 2000) над своими внешними проявлениями, чтобы не позволить противнику понять, насколько болезненно воспринимаются его удары. Легендарный тренер и менеджер Кус д'Амато (цит. по: Brunt 1987, p. 55), «открывший» Майка Тайсона, говорит об этом так: «Боец должен владеть своими эмоциями там, чтобы уметь скрывать и контролировать их. Страх — ценное качество для бойца. Он заставляет его двигаться быстрее и быть более бдительными. Герои и трусы ощущают один и тот же страх. Просто герои иначе на него реагируют». Такая инаковость не врожденное качество, а приобретенная способность, коллективно создаваемая посредством длительного обучения тела определенной дисциплине спарринга. Боксер среднего веса, одержавший пять побед подряд в боях с профессионалами, объясняет:

> Необходимо все держать под контролем, потому что эмоции могут съесть все; необходимо оставаться спокойным и расслабленным, хотя ты знаешь, что этот парень попытается уложить тебя. Необходимо оставаться спокойным и расслабленным. Необходимо постоянно следить за происходящим.
>
> *Вопрос*: Трудно было научиться контролировать свои эмоции? Не злиться и не расстраиваться, если парень оказывается слишком юрким и тебе не удается чисто провести удар?
>
> *Ответ*: Мне было трудно. Мне понадобились для этого долгие годы, и только когда я научился держать свои эмоции под контролем, дела пошли на лад. Наверное, это приходит со временем.
>
> *Вопрос*: Ричи чему-то тебя научил?
>
> *Ответ*: Он постоянно говорил мне, чтобы я оставался спокойным, расслабленным. «Дыши ровно, не горячись». Но очень трудно было оставаться спокойным и расслабленным, когда тебя пытались прибить. В конце концов, я все же понял, о чем он говорил.

На самом деле связь между жестами, сознательными переживаниями и физиологическими процессами — вспомним проведенное Герцем и Миллсом (Gerth and Mills, 1964) различие между тремя основными составляющими эмоции — настолько сильна, что изменение одной из них сразу же приводит к изменению другой. Неспособность контролировать чувственное переживание наносимых тебе ударов лишает тебя способности действовать и, таким образом, полностью изменяет твое телесное состояние. И, наоборот, физическая форма позволяет мысленно подготовиться и, следовательно, лучше контролировать ощущения, возникающие после ударов.

Поскольку малейшая утрата самообладания тотчас наказывается, необходимо уметь владеть своими эмоциями и знать, в зависимости от обстоятельств, когда их нужно сдерживать и подавлять или, наоборот, выпускать наружу и подстегивать; когда нужно задавить одни чувства (расстройство или беспокойство) и не повестись на удары, провокации, возможные устные оскорбления и «грубую тактику» (удары ниже пояса или локтями, удары головой, удары по рассеченным местам и т. д.) со стороны противника; и когда — пробудить и развить другие (гнева или «контролируемой ярости», например) по собственной воле, не позволяя им выйти из-под контроля. Большинство боксеров пытается сохранять «серьезность» на ринге и направлять все свои эмоциональные и интеллектуальные силы на «выполнение работы» самым действенным и безболезненным образом. Спарринг позволяет «прочувствовать правила», свойственные этому роду занятий.

Наконец, собственно физический аспект спарринга не следует оставлять без рассмотрения в силу его «самоочевидности»; не следует забывать, что профессиональные бои за приз связаны, прежде всего, с *экономикой боли (и денег)*. Цель боя состоит в том, чтобы перехитрить или подчинить себе противника, нанося ему удары и, в свою очередь, получая удары от него. В жаргоне боксеров есть множество слов, связанных со способностью «держать удар» и переносить боль. Помимо природного дара, наподобие «железной челюсти» и таинственного и почитаемого качества, называемого «стержнем» (также важного для мужской уличной культуры гетто), имеется лишь один способ приучить себя к боли и принятию ударов: регулярно получать удары и постепенно привыкать к этому. Ведь, вопреки еще одному распространенному стереотипу, у боксеров нет никакой особой любви к боли: им не нравится получать удары и даже — многим из них — причинять боль своему противнику. Говорит молодой боксер в среднем весе, недавно ставший профессионалом:

> *Ну, мы же люди! Мы – люди*. Такие же, как все остальные; наши чувства ничем не отличаются от ваших; *мы ничем не отличаемся от вас*: мы живем в одном мире, у нас та же плоть, та же кровь, все то же самое.

Они только повысили свой порог терпимости к боли посредством его контролируемой рутинизации (*Veralltaglichung* у Вебера). И это возвращает нас к распределению эмоций между группами, поскольку изучение безразличия к физической боли неразрывно связано с приобретением «хладнокровия», свойственного боксу. Правильная социализация боксера предполагает стойкость к ударам, в основе которой лежит способность справляться с первичными рефлексами самозащиты, нарушающими координацию движений и дающими преимущество противнику. Больше действительной силы пропускаемых ими ударов, новичков во время первых спаррингов и неопытных бойцов во время первых боев опустошает именно постепенное приобретение, как удачно заметил Мосс (Мосс, 1996, с. 262), «сопротивления всеохватывающему волнению», которое сложно разделить на области воли или физиологического порядка.

Таким образом, из чуждого пространства, вызывающего чувство неловкости, неуместности и даже опасности, ринг постепенно превращается в «место

работы», сцену для самовыражения, где боксеры чувствуют себя как «дома» — это выражение они чаще всего используют, когда их спрашивают о чувствах, которые они испытывают, выходя на ринг. Это объясняется глубокой реорганизацией габитуса, который начинает соответствовать основной структуре игры, вызывая тем самым особое *ощущение счастья*, возникающее из дорефлексивного согласия тела с микрокосмом, в котором оно развивается.

Рациональность кулачного боя: боксер как воплощение практического разума

Овладение боксом незаметно меняет телесную схему человека, отношение к телу и его использованию с целью усвоения установок, превращающих тело, по сути, в ударный механизм, но *механизм интеллектуальный и творческий, способный к саморегулированию и обновлению* в фиксированной и относительно ограниченной совокупности собственных действий в ответ на действия противника. Взаимопроникновение материальных и ментальных установок настолько глубоко, что даже сила воли, мораль, решимость и контроль над эмоциями становятся рефлексами, вписанными в организм. У подготовленного боксера ментальное становится частью физического и наоборот; тело и сознание функционируют в полном симбиозе.

> Об этом свидетельствует презрительное отношение Ричи к бойцам, которые говорят, что они «в душе не готовы» к борьбе. После проигрыша Джейсона в его первом бою в Атлантик-Сити, показанному по национальному телевидению, старый тренер кипятится: «Он проиграл, потому что он был “не готов в душе”! Да что это такое! “Не готов в душе”. Если ты боец, ты всегда готов! Я так и сказал Бучу: что за дерьмо! “Не готов” он. Если ты боец, выходи на ринг и бейся; без всяких там “готов — не готов”. А если ты не боец, то тебе нечего и делать на ринге. Если ты — боец, ты готов и ты бьешься. Точка. А все остальное нужно, чтобы *пудрить мозги девчонкам*». (Полевые записи, апрель 1989 г.)

Именно такое взаимное пересечение физического и ментального позволяет опытным боксерам обороняться и, в конечном итоге, наносить ответные удары даже в состоянии, близком к нокауту. В таком полубессознательном состоянии тело продолжает боксировать как бы само собой, пока боец не придет в чувство (иногда для этого требуется несколько минут). Бывший чемпион мира в тяжелом весе Джин Танни (цит. по: Sammons, 1988, p. 246) рассказывает о таком опыте во время тренировок:

> Я вошел в клинч, опустив голову, а мой партнер поднял свою голову, ударив меня по левому глазу. У меня помутилось в голове. Потом он отошел и со всей дури ударил меня правой прямо в челюсть. Я так и замер, где стоял. Не упав и не пошатнувшись, *я потерял сознание, но инстинктивно продолжил* биться. На ринг вышел другой спарринг-партнер. Мы боксировали три раунда, но я совсем ничего не помню об этом.

В знаменитом «Триллере в Маниле», одном из самых жестких боев среди тяжеловесов в истории, Джо Фрезер и Мухаммед Али боксировали почти в бессознательном состоянии. «Курилка Джо» вспоминал через несколько лет

после этой встречи: к шестому раунду «я уже вообще ни о чем не думал. Все, что я знал, — нужно драться. Жара [свыше 110 градусов по Фаренгейту], влажность... В этом бою я ни о чем не думал. У меня было дело, которое я должен был делать. Я просто хотел его закончить» (NBC Sports, 1990).

Разговоры с боксерами и тренерами о «ментальном» аспекте бокса поднимают кажущееся противоречие: с одной стороны, они утверждают, что бокс — «дело для думающих людей» и часто уподобляют его шахматам; с другой стороны, они также настаивают на том, что на ринге не нужно тратить время на логику. «На ринге нет никакого места для мысли: одни рефлексы! Когда ты начинаешь думать, поезд ушел», — учит Ричи. В то же самое время стоунлэндский тренер согласен с Рэем Арселом (цит. по: Anderson, 1991, p. 121), старейший тренер, продолжающий заниматься своим делом и в 92 года после того, как подготовил восемнадцать чемпионов мир, в том, что «в боксе главное мозги, а не мышцы. Меня не интересуют твои бойцовские способности. Если ты не умеешь думать, ты просто очередной парень с улицы». Загадка разрешается, как только осознаешь, что способность размышлять и рассуждать на ринге становится способностью организма боксера *in globo* или «телесно-духовного» комплекса (Dewey, 1929, p. 277). Это стирание грани между телесным и ментальным подчеркивается в следующем комментарии местного претендента среди полутяжеловесов:

> Все дело в компьютере, *мозгах*, которые управляют телом. Если компьютер не слишком сильный, то он не может послать сильного сигнала телу; и у тебя не хватает мозгов, чтобы выполнить задачу. Ты должен думать, какую позицию занимает противник, куда можно ударить, где можно «подставиться» под удар, чтобы уйти от него и ударить самому. *Об этом думаешь постоянно*, если хочешь ударить или уйти от удара, а чтобы «пролететь», не нужно думать ни о чем.
>
> *Вопрос*: Но ведь на раздумья нет времени?
>
> *Ответ*: (похрустывает суставами пальцев, нервно понижая голос) На это все уходят доли секунды: мысли проносятся моментально (снова хрустит суставами, повышая голос), *ты думаешь постоянно, думаешь постоянно. Все, что ты делаешь, как ты двигаешься, – все это продуманно.* Чтобы сделать что-то на ринге, ты должен думать. Вот так ты должен думать (перестает хрустеть). Говорят, что только после долгих тренировок больше не нужно думать. Это происходит *естественно*, но твое тело делает естественным образом все, что считает нужным; мысль намного опережает тебя, у тебя нет возможности ее продумать. Ты получаешь уже готовые ответы.

Попав на ринг, тренированное тело, которое знает и понимает, сортирует и хранит информацию, находит правильный ответ в репертуаре запрограммированных действий и реакций. Боксерское мастерство, таким образом, определяется тем, что тело бойца просчитывает варианты и решает за него, мгновенно, без опосредования — и опасных задержек, которые оно вызывает, — абстрактными размышлениями, до представления и стратегического расчета. *Тело служит непосредственным, стихийным стратегом*: оно знает, понимает, оценивает и реагирует одновременно. В этом отношении, опытный боксер не сильно отличается от опытного джазового пианиста: обоим для правильного исполнения — удара в одном случае, нот в другом — требуется привычное

знание, «воплощенный способ прохождения дистанций», который может быть приобретен только через «длительное усвоение» (Sudnow, 1978, p. 12–13), определяющее принятие «дисциплинированным телом основных положений сознания» (Levao, 1988, p. 13).

Стратегия боксера, таким образом, обусловлена не телеологией индивидуального рационального выбора и не механическим подчинением нормативным требованиям тренера или «субкультуры» спортзала, а столкновением боксерского габитуса с тем самым полем, которое и произвело его. Социальное искусство кулачного боя преодолевает целый ряд схоластических различий между интенциональным и привычным, рациональным и эмоциональным, материальным и духовным, которые так глубоко укоренены в дуалистической онтологии современной социальной науки, что мы даже не замечаем, насколько они уродуют фундаментальную реальность человеческого социального действия. В основе бокса лежит соприкосновение, даже *слияние* этих противоположностей. Он представляет собой *воплощенный практический разум*, который избегает логики индивидуального сознания и расчета. Столкновение на ринге требует сжатых суждений, основанных на боксерской восприимчивости и реакции и выносимых мгновенно, что служит антитезой систематически спланированным и размеренным решениям в духе «просчитывающего разума», лежащего в основе социального действия, которое описывается теорией игр и рационального выбора. В сущности, стратегию боксера на ринге можно описать цитатой из работы Хью Броди (Brody, 1982, p. 37), посвященной охотникам-атабаскам и инускам, проживающим на северо-западе Канады:

> Чтобы принять правильное, разумное и точное решение на охоте, необходимо учесть взаимосвязь всех возможных факторов и избежать ошибки сосредоточения на каком-то одном моменте, считающемся основным. И — что еще более важно — *решение принимается в самом действии*; между теорией и практикой нет никакого разрыва или промежутка. Как следствие, решение, как и действие, от которого оно неотделимо, всегда является изменяемым (и, следовательно, оно не может быть названо решением в собственном смысле слова).

Успешное обучение боксу, таким образом, требует сочетания *квазиантиномических диспозиций*: импульсов и влечений, укорененных в дорогом для Джорджа Герберта Мида «биологическом индивиде» (Mead, 1934), в теле, которое можно назвать «диким», на границе культурного, и способности постоянно справляться с ними, регулировать, трансформировать и избирать их в соответствии с планом, который является объективно рациональным, оставаясь при этом недосягаемым для рационального сознания. Это противоречие, свойственное боксерскому габитусу, объясняет, каким образом вера во врожденные способности боксера может мирно сосуществовать с неумолимой и твердой этикой работы и борьбы. Как и в случае с религией у Дюркгейма (Durkheim, 1965), миф о боксерском даре — это «иллюзия, основанная на реальности» (*cum fundamento in rei*): то, что бойцы считают естественной способностью («в тебе должно быть это», «нужно родиться боксером»), на самом деле представляет собой особый характер, складывающийся в результате длительного процесса насаждения боксерского габитуса, процесса, упрощенного до такой степени, что новичкам оказывает-

ся достаточно опыта, приобретенного на улицах гетто. Наивное представление о *естественном*, часто используемое для объяснения того, почему некоторые боксеры обучаются очень быстро или без труда добиваются успехов, свидетельствует об этой *культивируемой природе*, социальное происхождение которой становится в буквальном смысле невидимым для тех, кто воспринимает ее при помощи ментальных категорий, которые сами по себе являются ее продуктом.

* * *

Итак, мы пришли этим необычным, квазиэкспериментальным путем, по сути, к тому же выводу, что и Морис Мерло-Понти в своей «Феноменологии восприятия» (Мерло-Понти, 1999): что «живое тело» — это, прежде всего, не *объект* сознания, а предобъективная среда сознания, подлинный *субъект/предмет* человеческой социальной практики. Продемонстрировав полную неуместность двух теоретических моделей действия, которые недавно поляризовали размышления об этом вопросе (Elster 1989), рационального выбора и нормативных ограничений, бокс свидетельствует о необходимости помещения *социализированного живого тела* — и практик инкорпорирования, которые образуют его структуры, — в центр анализа социального действия.[18]

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

Бурдье П. *Практический смысл.* СПб.: Алетейя, 2001.
Витгенштейн Л. *Философские работы.* Ч. I. М.: Логос, 1994.
Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни.* М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия.* СПб.: Ювента, Наука, 1999.
Мосс М. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии.* М.: Восточная литература, 1996.
Фуко М. *Рождение клиники.* М.: Смысл, 1998.
Abrahams R. D. (1970). *Positively Black.* Englewood Cliffs: Prentice Hall.
Albert E. (1991). Riding a Line: Competition and Cooperation in the Sport of Bicycle Racing. *Sociology of Sport Journal* 8, 341–361.
Anderson D. (1991). *In the Corner: Great Boxing Trainers Talk About their Art.* New York: Morrow.
Auletta K. (1982). *The Underclass.* New York: Pantheon.
Baldwin J. B. (1988)). Habit, Emotion, and Self-Conscious Action. *Sociological Perspectives* 31, 35–58;
Becker H. (ed.). (1981). *Exploring Society Photographically.* Chicago: The University of Chicago Press.
Bennett G., Hamill P. (1978). *Boxers.* New York: Dolphin Books.
Bourdieu P. (1972). *Esquisse d'une theorie de la pratique. Precedee de trois etudes d'ethnologie kabyle.* Geneva: Droz.

[18] См. работы: Бурдье, 2001; Jackson, 1989; Blacking, 1973; и различные недавние переистолкования понятия «привычки» (напр., Ostrow, 1990; Connerton, 1989; Baldwin, 1988).

Bourdieu P. (1977). *Outline of a Theory of Practice.* Cambridge: Cambridge University Press.
Bourgois P. (1989). Just Another Night on Crack Street. *New York Times Magazine*, November 12.
Brody H. (1982). *Maps and Dreams.* New York: Pantheon.
Brunt S. (1987). *Mean Business: The Rise and Fall of Shawn O'Sullivan.* Harmondsworth: Penguin.
Chicago Fact Book Consortium. (1984). *Local Community Fact Book: Chicago Metropolitan Area.* Chicago: Chicago Review Press.
Chicago Tribune. (1986). *An American Millstone: An Examination of the Nation's Permanent Underclass.* Chicago et New York: Contemporary Press.
Connerton P. (1989). *How Societies Remember.* Cambridge: Cambridge University Press.
Csikszentmihalyi M. (1975). *Beyond Boredom and Anxiety.* San Francisco: Jossey-Bass.
Dewey J. (1929). *Experience and Nature.* Chicago: Open Court.
Donnelly P. (1988). On Boxing: Notes on the Past, Present, and Future of a Sport in Transition. *Current Psychology* 7, 331–346.
Douglas J. D. (1976). *Investigative Social Research.* Beverly Hills: Sage.
Durkheim E. 1922]. (1956). *Education and Sociology.* New York: The Free Press.
Durkheim E. [1914] (1965). *The Elementary Forms of the Religious Life.* New York: The Free Press.
Drake St. Clair, H. R. Cayton. (1945). *Black Metropolis: A Study of Negro Life in a Northern City.* New York: New Harcourt-Brace-Jovanovich.
Early G. (1988). Three Notes Toward a Cultural Definition of Boxing. In J. C. Oates and D. Halpern, *Reading the Fights* (pp. 20–38). New York: Prentice-Hall Press.
Edmond A. O. (1973). The Second Louis-Schmelling Fight: Sport, Symbol, and Culture. *Journal of Popular Culture* 7.
Fine G. A. (1979). Small Groups and Culture Creation: The Idioculture of Little League Baseball. *American Sociological Review* 44, 733–745.
Folb J. (1980). *Runnin' Down Some Lines: The Language and Culture of Black Teenagers.* Cambridge: Harvard University Press.
Gerth H., Mills C.-W. (1964). *Character and Social Structure.* New York: Harcourt, Brace, Jovanovitch.
Goffman E. (1961). *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction.* Indianapolis: Bobbs-Merrill.
Goffman E. (1966). *Interaction Rituals.* New York: Vintage.
Halpern D. (1988). Distance and Embrace. In J. C. Oates and D. Halpern, *Reading the Fights* (Pp. 275–285). New York: Prentice-Hall Press.
Hare N. (1971. A Study of the Black Fighter. *Black Scholar* 3, 2–9.
Harper D. (1988). Visual Sociology: Expanding Sociological Vision. *The American Sociologist* (Spring), 54–70.
Hauser T. (1986). *The Black Lights: Inside the World of Professional Boxing.* New York: McGraw-Hill.
Hauser T. (1991). *Mohammed Ali: His Life and Times.* New York: Simon and Schuster.
Heller P. (1989). *Bad Intentions: The Mike Tyson Story.* New York: New American Library.
Hirsch A. R. (1983). *Making the Second Ghetto: Race and Housing in Chicago, 1940–1960.* Cambridge: Cambridge University Press.
Hochschild A. R. (1983). *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling.* Berkeley: University of California Press.
Jackson M. (1989). *Paths Toward A Clearing.* Bloomington: Indiana University Press.

Jankowski M.S. (1991). *Islands in the Street: Gangs in Urban American Society*. Berkeley: University of California Press.
Jenkins T.J. (1955z0. *Changes in Ethnic and Racial Representation Among Professional Boxers: A Study in Ethnic Succession*. Chicago: unpublished MA thesis, the University of Chicago.
Jencks C., Peterson P., eds. (1991). *The Urban Underclass*. Washington, D. C.: The Brookings Institution.
Katz J. (1988)). *Seductions of Crime*. New York: Basic Books.
Kochman T., ed. (1973). *Rappin' and Stylin' Out: Communication in Urban Black America*. Chicago: University of Illinois Press.
Kotlowitz A. (1991). *There Are No Children Here*. New York: Morrow.
Levao R. (1988). Reading the Fights: Making Sense of Professional Boxing. In J.C. Oates and D. Halpern, *Reading the Fights* (pp. 1–19). New York: Prentice-Hall Press.
Mailer N. (1971). *«King of the Hill»: On the Fight of the Century*. New York: New American Library.
Mead C. (1985). *Champion: Joe Louis, Black Hero in White America*. New York: Charles Scribner's Sons.
Mead G. H. (1934). The Biologic Individual. In *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist* (pp. 347–353). Ed. C.W. Morris. Chicago: The University of Chicago Press.
Mitchell R. G., Jr. (1983). *Moutain Experience: The Psychology and Sociology of Adventure*. Chicago: The University of Chicago Press.
Mosca D. (1991). A Boxing Enclave: Preserving the Great White Hope. Fieldwork Project at Newman's Gym, San Francisco. Unpublished course paper, Department of Anthropology, San Francisco State University.
Muel-Dreyfus F. (1983). *Le metier d'educateur*. Paris: Editions de Minuit.
NBC Sports Venture. (1990). *The Thrilla in Manilla*. VHS Video of the (1975) Ali-Frazier Heavyweight title fight, NBC Sports Venture.
Oates J. C. (1987). *On Boxing*. Garden City: Doubleday.
Oates J. C. (1988). Mike Tyson. In *(Woman) Writer* (pp. 255–253). New York: E.P. Dutton.
Ostrow J. M. (1990). *Social Sensitivity: An Analysis of Experience and Habit*. Stony Brook: State University of New York Press.
Plimpton G. (1989). Three With Moore. In J.C. Oates and D. Halpern, *Reading the Fights* (pp. 150–170). New York: Prentice-Hall Press.
Roberts R. (1978). *Jack Dempsey: The Manassa Mauler*. Baton Rouge: Louisiana University Press.
Sammons J. T. (1988). *Beyond the Ring: The Role of Boxing in American Society*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
Simmel G. (1949). The Sociology of Sociability. *American Journal of Sociology* 55, 254–268.
Suaud C. (1978). *La vocation. Conversion et reconversion des pretres ruraux*. Paris: Editions de Minuit.
Sudnow D. (1978). *Ways of the Hand: The Organization of Improvised Conduct*. Cambridge: Harvard University Press.
Sugden J. (1987). The Exploitation of Disadvantage: The Occupational Sub-Culture of the Boxer. In J. Horne, D. Jary, and A. Tomlinson, eds, *Sport, Leisure, and Social Relations* (pp. 187–209). London: Routledge and Kegan Paul.
Sullivan M. (1989). *«Getting Paid»: Youth, Crime, and Work in the Inner City*. Ithaca: Cornell University Press.

Torres J. (1989). *Fire and Fear: The Inside Story of Mike Tyson.* New York: Popular Library.
Valentine B. L. (1978). *Hustling and Other Hard Work: Life Styles in the Ghetto.* New York: Free Press.
Wacquant L. J. D. (1989a). Corps et ame: notes ethnographiques d'un apprenti-boxeur. (Body and Soul: Ethnographic Notes of an Apprentice-Boxer). *Actes de la recherche en sciences sociales* 80, 33–67.
Wacquant L. J. D. (1989b). The Ghetto, the State, and the New Capitalist Economy. *Dissent* (Fall), 508–520.
Wacquant L. J. D. (1991a). «Busy Louie» aux Golden Gloves. *Gulliver* 6, 12–33.
Wacquant L. J. D. (1991b, November). *The Meaning of the Manly Art: Boxers, Sex, and Women.* Lecture delivered to the Program on Gender and Meaning and Sociology Department, Smith College, Northampton.
Wacquant L. J. D. (1994) The New Urban Color Line: The State and Fate of the Ghetto in Postfordist America. In C. J. Calhoun, ed., *Social Theory and the Politics of Identity* (pp. 231–276) Oxford and Cambridge: Basil Blackwell.
Wacquant L. J. D. (1995) The Comparative Structure and Experience of Urban Exclusion: Race, Class, and Space in Paris and Chicago. In K. McFate, R. Lawson, and W. J. Wilson, eds, *Poverty, Inequality, and Future of Social Policy: Western States in the New World Order* (pp. 543–570) New York: Russell Sage Foundation.
Wacquant L. J. D. and W. J. Wilson. (1989). The Cost of Racial and Class Exclusion in the Inner City. *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 501, 8–25.
Weinberg S. K., Arond H. (1952). The Occupational Culture of the Boxer. *American Journal of Sociology* 62, 460–469.
Willener A. (1988). Le concerto pour trompette de Haydn. *Actes de la recherche en sciences sociales* 75, 54–63.
Wilson W. J. (1987). *The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass, and Public Policy.* Chicago: The University of Chicago Press.
Zola I. K. (1964). Observations on Gambling in a Lower-Class Setting. In Howard S. Becker. *The Other Side: Perspectives on Deviance* (pp. 247–260). New York: The Free Press.